

Попов К. М., А. Т., И. И. Проф. Александр Павлович Шостьин
[† 11 января 1916 г.]: (Некролог с портретом и автографом)
// Богословский вестник 1916. Т. 1. № 3/4. С. 1–49 (1-я пагин.).

Проф. А. Шостьинъ.

Проф. Александръ Павловичъ Шостыинъ.

(Некрологъ).

Одиннадцатаго января 1916 года, скончался исправляющій должность ординарнаго заслуженный профессоръ Императорской Московской Духовной Академіи Александръ Павловичъ Шостыинъ. Очеркъ жизни, характеристику и бібліографію покойнаго профессора даетъ ниже—помѣщаемый некрологъ.

* * *

На большой старинно-семинарской дорогѣ изъ Касимова въ Рязань, среди дремучихъ лѣсовъ съ одной стороны и заливныхъ луговъ красавицы—Оки съ другой, залегло село *Шостья*. Отъ этого села получила свое начало фамилія „Шостыиныхъ“. Здѣсь именно, въ селѣ Шостѣ, служили предки Александра Павловича до отца его, Павла Иларіоновича, включительно.

Александръ Павловичъ Шостыинъ родился 23-го мая 1862 г. въ г. Касимовѣ, когда отецъ его состоялъ уже діакономъ соборной церкви названнаго города. Спустя четыре года Павелъ Иларіоновичъ сталъ священникомъ Богоявленской церкви того же города, а черезъ пять лѣтъ перешелъ къ кладбищенской церкви, на каковомъ мѣстѣ и скончался 1 апрѣля 1877 г., когда, слѣдовательно, А. П.—чу было всего около пятнадцати лѣтъ. Своему отцу почившій обязанъ былъ, вмѣстѣ съ внѣшнимъ обликомъ, твердымъ нравственнымъ воспитаніемъ и составлявшимъ одну изъ существенныхъ чертъ его характера эстетизмомъ; особенно проявлявшимся въ наклонности къ музыкѣ и пѣнію.

Другую особенность своего душевнаго склада—умствен-

ную одаренность А. II—чь, пужно полагать, получили от матери, Александры Аѳанасіевны, урожденной Фортинской, дочери священника села Свинчуса, расположеннаго при Окѣ, того же уѣзда. Бѣдная въ матеріальномъ смыслѣ, состоявшая изъ 3-хъ сыновей и двойного числа дочерей, семья Аѳанасія Фортинскаго оказалась богатой въ духовномъ отношеніи. Братья Фортинскіе: Димитрій, Тимоѳей и Яковъ,—все окончили духовную семинарію и посвятили себя духовно-учебной службѣ. Первый былъ инспекторомъ Петроградскаго Александро-Невскаго Духовнаго Училища, второй принялъ монашество, а третій служилъ въ Шостѣ священникомъ. Свѣтскимъ оставался лишь старшій—Димитрій Аѳанасіевичъ, который, хотя не принялъ монашества, какъ средній братъ, и священства, какъ младшій, однако, жилъ „монахомъ“, не женатымъ, не только, такимъ образомъ, не уступаая имъ первенства надъ собою по образованію, но всецѣло равняясь съ ними и въ отношеніи аскетизма. За безсемейностью Димитрія и монашествомъ Тимоѳея, единственнымъ продолжателемъ фамиліи Фортинскихъ оказался Яковъ, священствовавшій въ Шостѣ. Дѣти о. Якова еще нагляднѣе выявили интеллектуально-религіозную потенцію семьи Фортинскихъ. Старшій сынъ о. Якова—Николай, по окончаніи Московской Духовной Академіи бакалавромъ, состоялъ сначала законоучителемъ Военной Гимназіи, а затѣмъ протоіереемъ Московскаго Храма Христа-Спасителя, былъ же почетнымъ членомъ Моск. Дух. Академіи. Ѳеодоръ Яковлевичъ Фортинскій, второй кузень Александра Павловича по матери, окончилъ Кіевскую Академію, послѣ чего былъ профессоромъ и умеръ ректоромъ Кіевского Университета Св. Владиміра. Наконецъ, дочь о. Якова—Евдокія, выйдя замужъ за свѣщ. Пармена Яковлевича Лебедева, оказалась наслѣдницею отцовскаго мѣста въ селѣ Шостѣ. Сынъ ея—Александръ Парменовичъ Лебедевъ, состоящій помощникомъ смотрителя Касимовскаго Духовнаго Училища, окончилъ Московскую Академію и тѣмъ уравниалъ въ смыслѣ полученія высшаго образованія свою мать съ ея братьями, за невозможностью въ то время ей самой сдѣлать это. Родственникомъ А. II—чу, по той же линіи Фортинскихъ, приходился

† еп. Антоній Черниговскій. Въ даровитой семьѣ Фортинскихъ А. П—чь не былъ, такимъ образомъ, исключеніемъ. Особенно близко по своему складу онъ подходилъ къ Θεодору Яковлевичу Фортинскому, повторивъ своимъ профессорствомъ и инспекторствомъ въ Московской Академіи высокое положеніе Фортинскаго въ Кіевскомъ Университетѣ. Матери своей А. П—чь лишился въ 1905 г. 30 сентября.

Кромѣ Александра Павловича, унаслѣдовавшаго вмѣстѣ съ религіозностью и прирожденною семьѣ Фортинскихъ даровитостью и самое имя матери, у о. Павла Иларіоновича и Александры Аѳанасіевны были другія дѣти: сынъ Θεодоръ Павловичъ, умершій 18-лѣтнимъ юношей—семинаристомъ, и двѣ дочери,—всѣ старше А. П—ча. Одна изъ сестеръ А. П—ча, Пелагія Павловна, недавно упокоившаяся, была замужемъ за преподавателемъ Касимовскаго Дух. Училища Петромъ Никитичемъ Титовымъ,—теперь священникомъ села Карамышева (въ 7 верстахъ отъ Касимова), замѣчательнаго въ уѣздѣ своими школами, миссіонерской и второкласной церковно-приходской. Кромѣ того, въ селѣ Карамышевѣ имѣетъ мѣстопребываніе и противомусульманская касимовская миссія съ спеціальнымъ миссіонеромъ—священникомъ во главѣ. Вторая, младшая сестра А. П—ча, Марія Павловна, доселѣ здравствующая, выйдя за свящ. А. М. Вулисанова, породнила собою семью Шостыныхъ-Фортинскихъ съ другою родовитою фамиліей—Вулисановыхъ, извѣстной въ уѣздѣ именемъ одного изъ наиболѣе славныхъ ея представителей—† соборнаго протоіерея и смотрителя Касим. Дух. Училища Лазаря Вулисанова.

Дѣтство и отрочество, до поступленія въ семинарію, А. П—чь провелъ въ Касимовѣ. Чтобы возстановитъ нѣсколько дѣтскія впечатлѣнія почившаго, пужно сказать объ этомъ замѣчательнѣйшемъ, послѣ Рязани, городѣ губерніи, извѣстномъ въ исторіи, какъ столица цѣлаго татарскаго царства, а въ литературѣ—„Касимовской невѣстой“. Подѣзжая къ Касимову на пароходѣ (по Окѣ), вы видите большой красивый, амфитеатромъ раскинувшійся по лѣвому, высокому въ этомъ мѣстѣ, берегу большой рѣки городъ. Передъ вами высятся каменные дома набережной, надъ которой под-

нимаются другія улицы съ громадѣющимися какъ бы другъ надъ другомъ, зданіями. Колокольни десятка церквей, минареты мечетей, фабричныя трубы, маячащая вдали каланча пожарнаго депо, развѣвающиеся флаги судовъ и т. д. сразу же создаютъ впечатлѣніе рѣдкаго разнообразія, встрѣчи въ данномъ пунктѣ различныхъ культуръ: восточной и западной, азіатской и европейской, мусульманской и христіанской. Это впечатлѣніе еще болѣе усилится, если вы сойдете съ парохода и подниметесь въ городъ. Сшитыя по послѣдней модѣ пальто и первобытные азіамы, лакированныя штиблеты и чувяки, цилиндръ и чалма, вуаль и чадра, православный священникъ и мулла, крестъ и лунный серпъ, колокольный звонъ и тягучее „алла“, „здравствуйте“ и „селямъ-аликемъ“, жепскій монастырь и рядомъ гаремъ—все это смѣшалось на территоріи одного города, которому, кажется, не достааетъ только кипарисовъ да верблюдовъ, чтобы сойти за какой-нибудь Бахчисарай или Бейрутъ. Эта этнографически-культурно-религіозная смѣсь составляетъ главную особенность мѣстнаго фольклора. Касимовъ съ прилегающими къ нему окрестностями, это—какъ бы кусочекъ Азіи, брошенный въ самую средину европейской Россіи, уголокъ Аравіи, забравшійся подъ 55° сѣверной широты! Въ знойный полдень здѣсь пахнетъ арабскою сказкой, вѣетъ духъ Шахрезады, вечерними же сумерками, при блѣдномъ сіяніи полумѣсяца, когда надъ городомъ раздается призывъ муэззинамъ правоверныхъ къ молитвѣ и чтенію корана, такъ и чудится тѣнь самого Магомета. Но бывають здѣсь и обращенія, свидѣтельствующія о неисчислимой силѣ Евангелія, воскрешающія христіанскую древность во всей ея красотѣ: крещеніе взрослыхъ, гоненія, апостольство. Такъ, на памяти А. П.—ча татаринъ-мусульманинъ, крестившійся и получивъ миссіонерское образованіе, принявъ священство и ставъ среди своихъ бывшихъ единовѣрцевъ проповѣдникомъ христіанства. Несомнѣнно, романтическая атмосфера Касимова не могла не дѣйствовать на дѣтскую впечатлительную душу и не оставить на ней несмываемыхъ слѣдовъ до конца жизни. Глубокая религіозность А. П.—ча была не только естественной, приращенной чертою характера: она была проведена также кон-

трастомъ между исламомъ и христіанствомъ, она являлась осознаннымъ отрицаніемъ „татарщины“.

9-лѣтнимъ мальчикомъ А. П—чь поступаетъ въ *Касимовское Духовное Училище*, при знаменитомъ тогда смотрителѣ, отличавшемся умомъ и отеческой добротою,—*Лазарѣ Вулисановѣ*. Живя въ домѣ родителей, въ то время какъ другіе, пріѣзжая изъ уѣзда, ютились по грязнымъ тогда во всѣхъ отношеніяхъ квартирамъ касимовскихъ мѣщанъ, портныхъ и пр. ремесленниковъ или, что было еще хуже, наполняли собой общежитіе, А. П—чь не испыталъ ни тоски по родинѣ, ни грубости пьяныхъ хозяевъ, ни цинизма училищной „бурсы“. Оттого-то, быть можетъ, такъ положительно—оптимистичны были педагогическія воззрѣнія покойнаго!

По окончаніи Касимовскаго Духовнаго Училища, А. П—чь отрывается отъ родной семьи г. Касимова для поступленія въ Рязанскую Духовную Семинарію. *Рязань*—одинъ изъ старѣйшихъ городовъ Россіи, имѣющій свой „кремль“, свой „Успенскій соборъ“, свои „мощи“, свой удѣльно-княжескій дворецъ, превращенный въ архіерейскій домъ, оставшійся отъ временъ татарскаго нашествія земляной валъ и т. п. древности и достопримѣчательности. Несомнѣнно, что шестилѣтнее пребываніе А. П—ча въ Рязани, помимо того образованія, которое давала ему семинарія, само по себѣ расширяло его умственный кругозоръ и прививало любовь къ русской старинѣ, развивало отличавшій всегда покойнаго искренній патріотизмъ, нѣжно-сыновнее чувство къ великой родинѣ.

Рязанская Семинарія управлялась тогда гуманнѣйшимъ и просвѣщеннѣйшимъ ректоромъ-протоіереемъ В. И. Гарѣтовскимъ и инспекторомъ І. К. Смирновымъ, нынѣ здравствующимъ архіепископомъ Рижскимъ Іоанномъ. Въ то же время она славилась отличнымъ, какъ на подборъ, составомъ преподавателей, къ которымъ болѣе подходило названіе „профессоровъ“ за ихъ независимость отъ книги, за лекціонный способъ преподаванія, за творческую индивидуальность и т. д. Таковыми были, напр., краснорѣчивѣйшій М. З. Зіоровъ, † архіепископъ Варшавскій Николай, учепѣйшій историкъ церкви, теперь проф. Новороссійскаго университета, Добро-

клонскій, глубокомысленнѣйшій, создававшій своими лекціями въ классѣ особое религіозно-мистическое настроеніе, предметъ культа со стороны воспитанниковъ, что такъ рѣдко бываетъ, богословъ Любоміровъ, философъ и психологъ Покровскій, эллинистъ прот. Орловъ и т. д. Не даромъ рязанская семинарія выставила такъ много ученыхъ на разныхъ поприщахъ знанія и, въ частности, дала наибольшій % профессоровъ для Московской Академіи, которую, по этой причинѣ, въ шутку называли даже „Рязанской Академіей“, каковое названіе въ болѣе серьезномъ тонѣ приложимо, однако, къ Рязанской семинаріи того времени. Поступивъ въ семинарію, А. П—чъ съ самаго же начала сталъ оказывать отличные успѣхи и примѣрное поведеніе. Одинъ изъ друзей почившаго такъ характеризуетъ отношеніе А. П—ча къ своему ученическому долгу: „мы всѣ, говоритъ поэтъ, учились понемногу: чему-нибудь и какъ-нибудь“. Именно этого нельзя было сказать про Ал. Павл. Если онъ что исполнялъ, то дѣлалъ только отлично. Его нельзя было подмѣтить не подготовившимъ урока, не исполнившимъ работы—или исполнившимъ ее кое-какъ. Своему ученическому дѣлу... онъ отдавалъ все свое время, безъ отдыха почти. Помимо обязательныхъ наукъ, семинаристъ Шостыинъ занимался изученіемъ иностранныхъ языковъ и стенографіей, что было тогда рѣдкостью.

Въ началѣ семинарскаго же курса А. П—ча постигло тяжелое горе — (выше датированная) смерть отца. Поддержку семья Шостыинныхъ нашла вскорѣ въ лицѣ названнаго ранѣе о. П. Н. Титова, мужа старшей сестры А. П—ча, священника села *Карамышева*. Сюда именно сталъ ежегодно ѣздить на всѣ каникулы А. П—чъ, какъ изъ семинаріи, такъ и будучи студентомъ Академіи. Регулярные пріѣзды къ зятю въ Карамышево оканчиваются одновременно съ поступленіемъ на службу, въ качествѣ профессора Академіи. Однако, связь А. П—ча съ Карамышевымъ не прерывалась до послѣднихъ дней его жизни, выражаясь то взаимнымъ посѣщеніемъ родственниковъ, то болѣе или менѣе частой перепиской. Не забылъ А. П—чъ Карамышева и въ своихъ предсмертныхъ устремленіяхъ. Особенное значеніе имѣло

Карамышево при написаніи А. П—чемъ магистерскаго сочиненія, о чемъ будетъ сказано на своемъ мѣстѣ.

Въ 1881 г., девятнадцати-лѣтнимъ юношей, окончилъ А. П—чь семинарское образованіе и былъ посланъ на казенный счетъ въ Московскую Духовную Академію. Принятый на казенное содержаніе въ составъ ХІ-го курса, А. П—чь и здѣсь быстро зарекомендовалъ себя съ наилучшей стороны. Свое время студентъ Шостынь дѣлилъ между храмомъ и аудиторіей, молитвой и книгой. Помѣщеніе Академіи въ стѣнахъ знаменитой Сергіевой Лавры съ ея святынями и соборами, съ ея продолжительными, уставными службами и чарующимъ звономъ, гдѣ одинъ день провести считаютъ для себя большимъ счастьемъ тысячи богомольцевъ, какъ нельзя болѣе, благопріятствовало развитію, и безъ того отъ природы сильнаго, религіознаго чувства. Съ другой стороны, образовательныя средства, которыми располагала Московская Академія: блестящій составъ профессоровъ, богатѣйшая бібліотека, при отсутствіи соблазновъ большого города, влекли А. П—ча къ сроднымъ, по наслѣдственной умственной одаренности, серьезнымъ научнымъ занятіямъ, предрасположеніе къ которымъ проступало еще въ семинаріи. „Даже гуляя, онъ говорилъ о лекціяхъ, работахъ, сочиненіяхъ, источникахъ къ нимъ“, — вспоминаетъ о немъ другъ. „Съ рѣдкою любовью, — говоритъ о немъ товарищъ, — относился онъ въ Академіи къ составленію проповѣдей. Этотъ родъ литературныхъ произведеній не пользовался расположеніемъ студенчества, но Ал. П. представилъ разъ такую самостоятельную и солидную работу, что она признапа была достойной преміи и была напечатана“. Старая Академія временъ Кудрявцева и Голубинскаго, Субботина и Ключевскаго, съ которымъ А. П—чь въ послѣдствіи былъ особенно близокъ, и на погребеніи котораго въ Москвѣ присутствовалъ въ качествѣ официального представителя отъ Академіи, съ не остывшимъ еще вліяніемъ м. Филарета, съ не испарившимся духомъ Горскаго, оставила неизгладимую печать на всемъ ви́шнемъ и внутреннемъ обликѣ почившаго. Въ 1885 г. А. П. блестяще окончилъ Академію первымъ магистрантомъ съ оставленіемъ при Академіи сначала профессорскимъ сти-

пендіатомъ догматическаго Богословія, а съ 1886 г., по прочтеніи двухъ пробныхъ лекцій, исправляющимъ должность доцента по кафедрѣ пастырскаго богословія и педагогики.

Прежде чѣмъ излагать служебный *succiculum vitae* покойнаго, нельзя не упомянуть о критическомъ въ жизни каждаго молодого ученаго періодѣ, когда пишется и защищается *магистерская* работа. Лѣто передъ подачею магистерской диссертациі А. П. проводить въ упомянутомъ селѣ Карамышевѣ. Какъ передаетъ одинъ изъ бывшихъ въ то время учителей Карамышевской миссіонерской школы, въ А. П.—чѣмѣстному населенію, особенно учащимся дѣтямъ духовенства касимовскаго края, помимо вѣщности и положенія, импонировали гора книгъ, которую „двигалъ“ молодой ученый, купленная на собственные средства и закладывавшаяся въ бѣговья дрожки лошадь для поѣздокъ на купанье или простого отдохновенія отъ напряженныхъ занятій. Чувствовалось, что А. П.—чѣ не формально относится къ дѣлу, не скучаетъ надъ работой, а священнодѣйствуетъ...

По представленіи 6 сент. 1888 г. въ Совѣтъ Академіи и защитѣ диссертациі на тему: „Источники и предметъ догматики по воззрѣнію католическихъ богослововъ послѣдняго полустолѣтія“, А. П. былъ утвержденъ въ ученой степени магистра богословія, а 24 авг. 1890-го года, по избранію Совѣта, опредѣленъ въ званіи *доцента* по занимаемымъ кафедрамъ. Съ 14-го мая 1893 г. по 4 окт. 1895 г. А. П. состоитъ лекторомъ англійскаго языка. На то же приблизительно время падаетъ его полемика съ философомъ Вл. С. Соловьевымъ по весьма сложному вопросу о „догматическомъ развитіи Церкви“, о чемъ будетъ подробно сказано въ библіографическомъ отдѣлѣ некролога.

8-го авг. 1895 г. А. П. становится экстраординарнымъ профессоромъ Академіи по тѣмъ же кафедрамъ—пастырскаго богословія и педагогики. Въ основу своихъ *лекцій* проф. Шостынинъ клалъ весьма плодотворную и вполне современную идею „пастырства“, какъ „душепопеченія“, съ точки зрѣнія которой онъ и разсматривалъ различныя пасторологическія теоріи. Особенно интересно было слушать А. П.—ча,

когда онъ излагалъ пастырскіе идеалы свв. Отцовъ: Григорія Богослова, Златоуста, Амвросія и др. Въ лекціяхъ по педагогикѣ проф. Шостыинъ удѣлялъ много мѣста классическому воспитанію, отчетливо опредѣляя сравнительныя достоинства и недостатки греческой и латинской педагогикъ; проводилъ параллели между еврейскимъ и христіанскимъ обученіемъ; знакомилъ съ системами Амоса Коменскаго, Песталоцци, Ушинскаго и др. западныхъ и русскихъ педагоговъ. Обѣ дисциплины: пастырское богословіе и педагогика искусно и, какъ подобало профессору высшей духовной школы, объединялись у А. П.—ча идеаломъ Христа, какъ совершеннѣйшаго Пастыря и неподражаемаго Педагога. До 1910-го года педагогика, какъ и пастырское богословіе, входила въ составъ общеобязательныхъ предметовъ. Со введеніемъ же въ дѣйствіе въ этомъ году новаго академическаго устава, отдѣлившаго пастырское богословіе отъ кафедры педагогики для соединенія его съ гомилетикой и придавшаго педагогикѣ групповой характеръ, А. П.—чъ оказывался по-прежнему профессоромъ „педагогики и дидактики съ методологіей наукъ“, но уже безъ пастырскаго богословія, и притомъ профессоромъ группового предмета.

30 окт. 1907 г., въ періодъ дѣйствія „временныхъ правилъ“, А. П. избирается Совѣтомъ на должность *инспектора Академіи*. На это высокое избраніе послѣдовало 18 ноября 1907 г. митрополитчья, а 15 дек. того же года и синодальная санкція. Проф. Шостыинъ оказывался вторымъ выборнымъ инспекторомъ Московской Духовной Академіи. Тяжелое послѣ-революціонное время, при общей первозности общества и высшихъ учебныхъ заведеній, дѣлало эту должность особенно отвѣтственной, а производившаяся въ 1907—8 гг. ревизія Академіи отягощала ее еще болѣе, усугубляя нравственную отвѣтственность официальной. Однако, съ честью для себя и заслуженной любовью студентовъ, почившій прослужилъ въ инспекторской должности почти пять лѣтъ до іюня 1912 г., уступивъ свое мѣсто инспектору по назначенію — архимандриту Анатолію, — теперь епископу, ректору Императорской Казанской Духовной Академіи. За свою „отлично-усердную и полезную службу“ А. П. пожалованъ

былъ въ 1908 г. орденомъ св. Владимира 4-й ст. Кромѣ Владимира, покойный имѣлъ орденъ: св. Станислава 2-й ст. и св. Анны той же степени, полученные имъ еще въ 1902 и 1905 гг. Въ 1908 г. А. П. удостоенъ былъ Св. Синодомъ званія „исправляющаго должность ординарнаго профессора Академіи“ и въ этомъ званіи утвержденъ Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству отъ 6 сент. того же года. 6 мая 1911 г. пожалованъ былъ чиномъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, а въ ноябрѣ того же 1911 г., по выслугѣ двадцати пяти лѣтъ въ должности штатнаго преподавателя Академіи, утвержденъ въ званіи „заслуженнаго профессора Академіи“.

По оставленіи инспекторской должности, А. П. продолжаетъ служить родной Академіи не только по учебной части, въ качествѣ профессора педагогики, но и административно-хозяйственной, — въ новомъ значеніи члена академическаго Правленія, съ 20 марта 1913 г. Кромѣ названныхъ собственно академическихъ должностей: профессора, инспектора, лектора, члена Правленія,—покойный, какъ человекъ большой опытности и глубокой честности, сотрудничалъ въ мѣстныхъ, имѣющихъ связь съ Академіей, филантропическихъ организаціяхъ. Онъ состоялъ членомъ Совѣта академическаго Братства Пр. Сергія и товарищемъ председателя Союза дѣтей имени Св. Алексія. Послѣдній періодъ жизни А. П.—ча и посвященъ былъ, до самой смерти, всѣмъ указаннымъ сторонамъ общественно-академической дѣятельности. Въ качествѣ экстренныхъ миссій нужно упомянуть поѣздку А. П.—ча однимъ изъ представителей отъ Московской Академіи на столѣтній юбилей Петроградской Дух. Академіи и командировку делегатомъ на 1-й Съѣздъ по экспериментальной педагогикѣ, бывшій въ Петроградѣ 26—31 декабря 1910 г.

Болѣзнь А. П.—ча началась въ 1909 г., когда онъ подвергся воспаленію легкихъ, при которомъ обозначился также нефритъ. Болѣзнь свою А. П. заполучилъ, какъ это признавалъ самъ почившій, на инспекторскомъ посту. Во все внимавшій, до всего доходившій, взбиравшійся на крышу для надзора за работами и спускавшійся въ холодные погреба, не считавшійся при исполненіи обязанностей, ни съ усло-

віями температури, ни съ дующими по корридорамъ сквозняками, при склонности къ простуднымъ заболѣваніямъ, А. П. легко могъ стать жертвой своей рачительности. А послѣ этого организмъ его уже не могъ поправиться. Съ нимъ повторялись легочныя воспаленія, осложненныя хроническимъ нефритомъ. Медицинскія средства, поѣздки въ Крымъ и на Кавказскіе курорты, по-преимуществу бальнеотерапевтическіе, приносили только временное облегченіе, не будучи въ состояніи обновить организмъ совершенно.

9-го января въ положеніи А. П. наступило рѣзкое непонятное ухудшеніе. 11-го въ 9 ч. утра его не стало. Кончина А. П.—ча была на-рѣдкость тихой, достойной человѣка, если даже не завидно—блаженной: безъ криковъ, конвульсій, агоній. Принявъ за нѣсколько минутъ до кончины „Тѣло Христово“ и вкусивъ отъ „Источника Безсмертнаго“, А. П., казалось, не умиралъ, а постепенно засыпалъ... Смерть его, какъ подобаешь христіанину, была „уснепіемъ“.

Скончался А. П. въ возрастѣ всего 53 лѣтъ, оставивъ послѣ себя жену и пятерыхъ дѣтей: двоихъ сыновей и трехъ дочерей. 14-го января тѣло проф. Шостыина, по отпѣваніи въ академическомъ храмѣ, было предано погребенію на кладбищѣ въ академической же оградѣ, среди предшественниковъ, наставниковъ и раѣе почившихъ сослуживцевъ А. П.—ча. Вдовой проф. Шостыина были получены выраженія соболѣзнованія:

1) Отъ Высокопреосвященнаго Арсенія, архіепископа Новгородскаго;

2) Отъ Высокопреосвященнаго Евсевія, архіеп. Владивостокскаго и Камчатскаго;

3) Отъ епископа Анатолія, ректора Императорской Казанской Духовной Академіи;

4) Отъ преосвященнаго Іосифа, епископа Угличскаго;

5) Отъ проф. Н. Н. Глубоковского;

6) Отъ Моск. протоіереевъ: С. П. Костминкова, В. Ив. Кедрова, Н. М. Счастнева;

7) Отъ проф. И. С. Пальмова (Петрогр. Акад.);

8) Отъ директора мужской гимназіи гор. Александрова—А. Ив. Успенскаго;

и мн. др. лицъ.

Краткіе некрологи и замѣтки о смерти А. П—ча напечатаны въ:

- 1) Московскихъ Вѣдомостяхъ 1916 г., № 10;
 - 2) Колоколъ 1916, № 2906;
 - 3) Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостяхъ, 1916, 4, 49;
 - 4) Приходскомъ Листкѣ, 1916, №№ 16 и 39;
 - 5) Русскомъ Словѣ, 1916, № 9.
 - 6) Московскомъ Листкѣ, 1916, № 9.
 - 7) Историческомъ Вѣстникѣ, 1916 мрт.
- и др.

* * *

Физически до своей болѣзни А. П. былъ очень здоровый человекъ. Особенно большую силу имѣлъ онъ въ рукахъ. Даже не задолго передъ смертью, ослабленный перенесенными недугами, А. П. способенъ былъ до боли жать руку. Такое здоровье было сколько даромъ природы, столько же и благопріобрѣтеннымъ результатомъ разумной гигиены тѣла, которой, какъ педагогъ, почившій придавалъ большое значеніе. Умѣренный режимъ, свѣжій воздухъ, гидротерапія были главными параграфами его гигиены. Цѣнилъ покойный также физическій трудъ. Зимой онъ кололъ дрова, а лѣтомъ, пріѣзжая въ деревню, косилъ траву, превосходя даже профессиональных работниковъ, молотилъ рожь и т. д. Насколько крѣпокъ организмъ былъ у покойнаго даже въ состоящій болѣзни показываетъ тотъ фактъ, что за 5 мѣсяцевъ до смерти онъ, какъ и прежде, показывалъ дѣтямъ примѣръ физическаго труда, молотилъ, правилъ лодкой и т. д.

Покойный обладалъ типично-профессорскою *внѣшностью*, являясь, такъ сказать, предопредѣленнымъ отъ природы къ занятію каяедры. Высокій ростъ, солидная осанка, правильное, освѣщенное умными глазами лицо, большой лобъ,—все говорило о немъ, какъ о человекѣ высокой культуры, опредѣленной профессіи. И такой респектабельной внѣшностью покойный отличался еще на школьной скамьѣ. Описывая его наружность, одно изъ близко знавшихъ покойнаго лицъ,—товарищъ по Семинаріи и Академіи, замѣчаетъ: „въ Семинаріи... онъ невольно обращалъ на себя вниманіе своимъ

внѣшнимъ благообразіемъ, которое было несомнѣннымъ отраженіемъ его благообразія внутренняго. Онъ былъ всегда хорошо одѣтъ, производилъ впечатлѣніе неизмѣнно опрятнаго, чистаго, воспитаннаго юноши“.

Проникая въ *душу* покойнаго, можно сказать, что это была благородная натура съ религіозно-возвышеннымъ образомъ мыслей, съ морально-воспитанной волей и эстетически настроеннымъ чувствомъ. А. П-ча можно назвать психологически цѣльной личностью. Въ его „здоровомъ тѣлѣ“ обиталъ „здоровый духъ“. Никакіе падрывы, „падломы“ и „вывихи“ не были знакомы ему. Его можно было бы назвать большимъ ребенкомъ, прежде различенія добра и зла избирающимъ „благое“. Какъ ребенокъ, онъ былъ ясенъ душой, сердеченъ, незлобиво-кротокъ, простъ, искрененъ, правдивъ, почтителенъ къ старшимъ себя, благодушенъ и веселъ. Самые недостатки его были какіе-то дѣтскіе, напр. мимолетная, не способная перейти въ долгую ссору, вспыльчивость. Если можетъ быть на свѣтѣ хорошій человѣкъ, говорить о немъ близко знавшее его лицо: которому отъ души хочется пожелать „царства небеснаго“; то Ал. П. былъ такимъ именно человѣкомъ.

Наиболѣе *типичными* чертами психики почившаго, рассматриваемой аналитически, были религіозность и эстетизмъ. Обѣ черты врожденныя, отклоняющія всякое подозрѣніе въ ханжествѣ и неискренности. „Религіозный и эстетическіи элементы души покойнаго А. П. уже въ семинаріи заявляли о себѣ довольно замѣтно“, свидѣлствуетъ тотъ же товарищескій источникъ.

Религіозность, которою всегда отличался А. П., имѣла общечеловѣчески-христіанскій характеръ, была глубокимъ, естественно обнаруживавшимся вонѣ, благоговѣніемъ передъ Высшимъ Существомъ, какъ Небеснымъ Отцомъ. По воспоминаціямъ товарищей, студентъ Шостыннъ зналъ только двѣ дороги: въ аудиторію и Троицкій соборъ. Въ письмахъ къ родственникамъ и друзьямъ, уже будучи профессоромъ и инспекторомъ, онъ не забывалъ и не стѣснялся просить себѣ у нихъ молитвъ. Такая религіозность не только не мѣшала А. П-чу быть примѣрнымъ семьяниномъ, — напротивъ, она

даже требовала семьи, какъ арены для своей реализаціи въ чувствахъ любви, смиренія и дѣятельности добра. Она не препятствовала также покойному принимать участіе во всѣхъ дозволенныхъ удовольствіяхъ и въ томъ же направленіи воспитывать дѣтей. Унаслѣдованная отъ родителей религіозность А. П-ча не была, впрочемъ, дѣтски-инстинктивной и традиціонно — слѣпой, но, какъ соотвѣтствуетъ человѣку вообще и образованному въ частности, вполне сознательной и разумной. Самъ почившій, говоря о своей вѣрѣ, различалъ въ своей жизни двѣ полосы: одну, — только согрѣтую тепломъ религіознаго чувства, а другую — и освѣщенную религіознымъ сознаніемъ. Какъ глубоко-искреннее настроеніе, религіозность А. П-ча не была безплодной: вѣра въ Бога и надежда на Его отеческій Промыслъ служили для него твердой опорой въ различныхъ испытаніяхъ. Въ самые тяжелые моменты болѣзни онъ любилъ повторять слова Златоуста: „Слава Богу за все“.

Въ письмѣ отъ 27 сент. 1913 г. А. П. сообщаетъ сестрѣ и зятю о „радости и утѣшеніи“, какія ему „довелось испытать“ 12 сент. за всенощной службой въ Москвѣ въ церкви іерусалимскаго подворья. „Служили тамъ“, пишетъ почившій: „3 архимандрита — представители патріарховъ константинопольскаго, іерусалимскаго и антиохійскаго. Послѣ перваго возгласа — „Христосъ воскресъ“ трижды, послѣ литіи на стиховнѣ „да воскреснетъ Богъ... Пасха священная намъ днесь показася“. Величаніе „во адѣ спешаго и съ Собою вся воскресившаго“. Канонъ: „Воскресенія день“ и наконецъ: „Плотію успевъ“. Народу было, конечно, масса. Если Богъ дастъ пожить еще, сталъ бы я всегда туда ѣздить въ этотъ день“. Такая религіозность была весьма цѣнною чертою, счастливо сочетавшеюся съ профессіей педагога и обязанностью воспитателя собственныхъ дѣтей: серьезную лекцію, представительное слово дополнялъ живой, дѣйственный примѣръ. Ученикъ покойнаго, свящ. С. пишетъ:

„Въ почившемъ профессорѣ А. П. Шостыгинѣ безпристрастнаго наблюдателя поражала сильная вѣра въ Бога и въ непрестанное попеченіе Божіе о человѣкѣ и въ особенности о христіанинѣ. Въ разговорахъ объ обычныхъ предметахъ

почившій Александръ Павловичъ часто переходилъ на рѣчь о Богѣ, настойчиво и одушевленно указывалъ своему собесѣднику, что человекъ безъ Бога не можетъ достигнуть прочныхъ результатовъ своихъ трудовъ. Помню неоднократно случаи, когда кто-нибудь съ бесѣдой съ Александромъ Павловичемъ распространялся о планахъ своей будущей жизни, онъ тихо, но рѣшительно заявлялъ своему собесѣднику: и добавте къ своей рѣчи, аще Господь благословитъ. Горю живою вѣрой въ Бога, почившій часто посѣщалъ богослуженія академическаго и монастырскихъ храмовъ, гдѣ часто можно было видѣть его благоговѣнно стоящимъ и совершающимъ многочисленные земные поклоны.

„Особенно вѣрилъ покойный профессоръ въ силу молитвъ пастырей церкви. Почти каждую бесѣду со мной онъ заканчивалъ такъ: „есть у меня къ вамъ усердная просьба: Бога ради молитесь за меня грѣшнаго, когда стоите предъ престоломъ Божиимъ во время литургіи, не забывайте вынуть за меня частицу изъ просфоры; все это приносить мнѣ большое облегченіе въ моей жизни. Простите меня за то, что я надобѣдаю вамъ этими просьбами, но мнѣ такъ хочется получить жизнь вѣчную“...

Скажемъ теперь о второй, *эстетической*, менѣ известной, сторонѣ личности А. П.—ча. Какъ и религіозность, эстетизмъ не былъ поверхностной чертой, наложенной подражаніемъ, временнымъ увлеченіемъ и др. случайностями, но глубоко коренился въ нѣдрахъ духовной природы почившаго. Еще въ семинаріи, А. П. настолько ревностно предавался изученію вокальнаго искусства, что по цѣлымъ ночамъ просиживалъ за нотами. По воспоминаніямъ одного изъ товарищей, въ то время какъ обыкновенно послѣ утомительныхъ занятій семинаристы шли гулять, А. П., въ качествѣ отдыха, принимался за игру на скрипкѣ. Нужно имѣть музыкальное ухо и много любви къ искусству, чтобы находить отдохновеніе въ этомъ визгливомъ подѣ неопытной рукой инструментѣ. Среди занятій семинарскими науками А. П., однако, въ совершенствѣ овладѣть тайной капризнаго „страдивариуса“. Впослѣдствіи онъ такъ же хорошо игралъ на рояли. Кромѣ того онъ могъ дирижировать хоромъ. „Среди товарищей“—

сообщаетъ другой современникъ А. П—ча по образованію, „онъ слытъ за хорошаго знатока поты, любилъ пѣніе и обладалъ дирижерскимъ талантомъ. Будучи семинаристомъ, кажется, V-го класса, онъ организовалъ любительскій хоръ изъ семинаристовъ, съ которымъ пѣлъ равніа литургіи въ одной приходской церкви“. Вѣроятно, — сообщаетъ о немъ его товарищъ и другъ: многіе товарищи его— студенты помнятъ, какъ отлично пропѣли подъ его дирижерствомъ въ пасхальную педѣлю „Сподоби Господи“, муз. прот. Турчанинова. Многіе, рѣшительно не знавшіе талантливости Ал. Павл. съ этой стороны, поражались одинаково и его искусствомъ регепта и его скромностью, не выдававшей его солидныхъ знаній по церковному пѣнію“. Состоя уже профессоромъ, А. П. приглашалъ иногда къ себѣ изъ академической корпораціи и студентовъ знатоковъ и любителей музыки и пѣнія, и тогда въ квартирѣ покойнаго устраивались импровизированные концерты. Самъ А. П. обладалъ пріятнымъ теноромъ и если гдѣ выступалъ артистомъ, гдѣ „отводилъ душу въ любимомъ развлеченіи, то только въ кругу родныхъ“, и, въ частности, въ селѣ Карамышевѣ, какъ свидѣтельствуетъ его родственникъ. Словомъ, не будь покойный профессоромъ педагогикѣ въ Академіи, онъ могъ бы слѣлать себѣ другую музыкально-художественную карьеру, стать, напр., профессоромъ консерваторіи. Теоретическое отраженіе музыкальное настроеніе А. П—ча нашло себѣ въ актовой рѣчи 1-го окт. 1898 г. и затѣмъ статья: „Нравственно—воспитательное значеніе музыки, по воззрѣніямъ Платона и Аристотеля“.

Высоко-моральный характеръ являлъ собою почившій въ качествѣ семьянина и общественнаго лица. Въ первомъ отношеніи это былъ образцовый воспитатель, отецъ, мужъ и т. д., во второмъ — самоотверженный труженикъ, идеально-честный слуга общества. Въ лицѣ А. П—ча мы имѣли рѣдкое сочетаніе высокаго общественнаго положенія съ домашнимъ авторитетомъ, счастливое совпаденіе профессіи съ призваніемъ. Онъ не былъ ремесленникомъ своего дѣла, педагогомъ *ex officio*: на собственныхъ дѣтяхъ онъ учился великому искусству воспитанія, теорію котораго онъ преподавалъ и талантомъ котораго владѣлъ въ совершенствѣ.

Самъ хорошо воспитанный, еще въ родительскомъ домѣ привыкшій видѣть примѣры добра, неуклоннаго исполненія долга, трудолюбія и благочестія, А. П. имѣлъ всѣ дажныя стать отличимымъ *семьяниномъ*, каковымъ онъ и былъ въ дѣйствительности. Любимецъ матери, какъ говоритъ о немъ сестра, А. П. могъ и въ собственной семьѣ создать атмосферу любви, нѣжности и ласки. Въ кругу своихъ дѣтей онъ самъ становился ребенкомъ: простымъ, непосредственнымъ компаньономъ въ разныхъ играхъ и затѣяхъ. „Профессоромъ“ онъ могъ быть только въ Академіи и кабинетѣ, въ дѣтской же всегда только „милымъ папочкой“. Вмѣстѣ съ фраккомъ онъ сбрасывалъ, такъ сказать, всю академическую важность и превращался въ обыкновеннаго, любящаго и любимаго человѣка. Любя своихъ дѣтей до самозабвенія, онъ, однако, не навязывалъ имъ своихъ убѣжденій и предоставлялъ полную свободу самоопредѣленія. Онъ самъ былъ ихъ репетиторомъ, занимаясь съ ними до поздней ночи, интересовался ихъ успѣхами, поощряя наградами, не допуская однако же ихъ до переутомленія. Онъ воспитывалъ дѣтей словомъ, но еще болѣе заражалъ примѣромъ своей религіозности, честности, трудолюбія, аккуратности и т. д. „Не важно, какую должность ты займешь“—говорилъ онъ дѣтямъ: „будь лишь вездѣ честнымъ труженникомъ“. Дружба, взаимная поддержка членовъ семьи—таковъ былъ его послѣдній завѣтъ своему дому. И А. П. многого достигъ, благодаря такой системѣ воспитанія. Онъ былъ „другомъ“ своей семьи и товарищемъ,—не отцомъ лишь и мужемъ,—ея нравственнымъ центромъ. Онъ могъ радоваться и благодарить Бога, глядя на своихъ воспитанныхъ дѣтей, на всю тѣсно сплоченную семью. При жизни онъ пользовался авторитетомъ „старца“ у своихъ дѣтей, къ которому они отосылились по всякому дѣлу, которому откровенно высказывали свои мысли, настроенія, намѣренія, у котораго просили совѣта, искали утѣшенія. По смерти они заплатили ему тою трогательною любовью, которой удостоиваются лишь немногіе. Въ семьѣ А. П.—ча счастливы были, такимъ образомъ, обѣ стороны: и родители, имѣющіе прекрасно воспитанныхъ дѣтей, и дѣти, въ лицѣ родителя видѣвшіе осуществленіе нравственно-педагогическаго идеала.

Не менѣ морально-благородный характеръ носила и *общественная дѣятельность* А. П—ча. „Отношенія его къ товарищамъ отличались деликатностью и благородствомъ“,—характеризуетъ А. П—ча товарищъ его: „къ рѣзкимъ и грубымъ выходкамъ онъ, кажется, органически былъ неспособенъ“. Это характеристика, относящаяся къ семинарскимъ и студенческимъ годамъ почившаго, можетъ быть одинаково приложена и къ послѣдующимъ служебнымъ отношеніямъ А. П—ча. Онъ всегда былъ корректенъ, вѣжливъ, уступчивъ, снисходителенъ, деликатенъ, съ сослуживцами общителенъ, со студентами простъ. Въ равной степени ему были чужды недопустимость и фамиллярность. По своей правдивости, А. П. выражалъ свое мнѣніе, не считаясь съ тѣмъ, пріятно оно кому-нибудь или нѣтъ. Онъ не терпѣлъ никакой недосказанности, двусмысленныхъ намековъ и шутокъ въ серьезныхъ разговорахъ. Среди профессоровъ А. П. имѣлъ не мало друзей, среди студентовъ—почитателей, которые, и по выходѣ изъ Академіи, продолжая питать благодарную память о немъ, вели съ нимъ переписку, пріѣзжая въ Сергіевъ Посадъ, заходили къ нему, а нѣкоторые пользовались и въ болѣе широкомъ размѣрѣ его гостепріимствомъ. Одно изъ такихъ лицъ, характеризую почившаго, сообщаетъ: „Несомнѣнно, вѣра въ Бога воспитала въ почившемъ удивительную кротость. Онъ былъ необычайно кротокъ въ отношеніи своихъ сослуживцевъ. Онъ былъ кротокъ и въ отношеніи студентовъ академіи не только при исполненіи своихъ обязанностей профессорскихъ, но и обязанностей инспектора, и это—даже въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣкоторые студенты вели себя въ отношеніи его крайне не корректно. Въ этихъ случаяхъ, бывало, покойный только посмотритъ серьезно на виновныхъ, вздохнетъ глубоко, покачаетъ головой и иногда тихо и вѣжливо имъ скажетъ о недобропорядочности ихъ поведенія, и только... Впрочемъ, эта кротость имѣла въ немъ предѣлы. Въ тѣхъ случаяхъ, когда что-либо грозило оскорбленіемъ христіанскихъ вѣрованій и церковныхъ укладовъ жизни, почившій съ сильной энергіей рѣшительно выступалъ на защиту православной церкви и ея правилъ жизни. Почившій старательно избѣгалъ грѣха осужденія ближнихъ. Когда въ

разговорахъ съ нимъ приходилось такъ или иначе касаться недостатковъ тѣхъ или другихъ лицъ, онъ быстро прерывалъ рѣчь говорившаго указаніемъ на несомнѣнные достоинства осуждаемыхъ. Такъ онъ спасалъ себя и другихъ отъ грѣха осужденія ближнихъ“. Что касается его касимовскихъ знакомыхъ, земляковъ, родственниковъ, то всѣ они относились къ нему съ самымъ искреннимъ, сердечнымъ расположеніемъ. Появленіе А. П—ча въ Касимовѣ было для нихъ настоящимъ праздникомъ. Заслышавъ объ его пріѣздѣ, они наперебывъ приглашали его навѣстить ихъ.

Общественная дѣятельность А. П—ча включаетъ въ себя профессорство и инспекторство. Характеризуя то и другое, прот. В. А. Быстрицкій въ своей некрологической замѣткѣ говоритъ: „Это былъ необыкновенно добросовѣстный труженикъ и честный человѣкъ, заботливый попечитель въ нуждахъ и скорбяхъ бѣдныхъ студентовъ“. Что касается, въ частности, до профессорства, то, кромѣ сказаннаго выше о лекціяхъ А. П—ча и того, что будетъ сообщено ниже объ ученыхъ трудахъ покойнаго, здѣсь требуется замѣтить, что преподаваніе А. П—чемъ педагогики и пастырскаго богословія отличалось удивительною, при содержательности, простотою, общедоступностью, наглядностью, иллюстрировалось массой примѣровъ, мѣткихъ сопоставленій. Оно не стремилось бить на эффектъ, вызывать шумные аплодисменты, не осложняло безъ нужды затрагиваемыхъ темъ. Зато оно кратко и точно формулировало развиваемыя положенія, съ научной акрбіей ставило и разрѣшало свои проблемы. Лекціи А. П—ча, написанныя легкимъ и понятнымъ языкомъ, усвоались къ экзамену безъ особаго труда, не обременяя собою и безъ того утомленную невроисихику и перегруженную память студентовъ. Какъ экзаменаторъ, А. П. былъ въ мѣру требователенъ, но и вмѣстѣ снисходителенъ.

Инспекторство было вѣщомъ служенія покойнаго А. П—ча Академіи. Ему, образцовому воспитателю собственныхъ дѣтей, ему, профессиональному педагогу, какъ нельзя лучше, шла эта административно-педагогическая дѣятельность, равно какъ и обратно: на этой должности достигъ своего апогея педагогическій талантъ А. П—ча. Любимецъ всей семинаріи,

какъ свидѣтельствуешь о немъ товарищъ по семинаріи, за общительный характеръ и братски отзывчивое отношеніе къ товарищамъ, не только за мелкія услуги, но и крупную помощь, оказывавшуюся имъ съ его стороны, А. П. и здѣсь, въ Академіи, заслужилъ себѣ всеобщую любовь и уваженіе своимъ искренне-благожелательнымъ, отеческимъ отношеніемъ къ студентамъ. Молодежь видѣла въ немъ не грознаго начальника или, наоборотъ, безхарактернаго потатчика, но мудраго вождя-педагога, инспектора-друга, администратора-отца. Только благодаря этому, избранный въ тяжелое время съ неулегшимся еще броженіемъ въ учебныхъ заведеніяхъ, А. П. могъ благополучно провести академическій корабль между сциллой правящихъ сферъ и харибдой студенческихъ притязаній. Служа за ничтожное, не представляющее интереса сравнительно съ тяжестью обязанности, вознагражденіе, лишенный въ половину каппкулярнаго отдыха, жертвуя не только собственнымъ снокойствіемъ, но и семьи, отъ которой онъ не могъ не отдалиться за это время, такъ какъ проводить большую часть времени нужно было на казенной одинокой квартирѣ въ стѣнахъ монастыря, не разъ просившій освободить его отъ тяжелыхъ инспекторскихъ обязанностей, по удерживаемый на своемъ посту высшимъ начальствомъ, цѣнившимъ его заслуги, А. П. искренно хотѣлъ быть только полезнымъ Академіи. Академическіе интересы стали ему близки, какъ свои собственные. Онъ былъ чуждъ officialности, не подчеркивалъ своего „я“, избѣгалъ начальственнаго тона, покорялъ силой убѣжденія и не властвовалъ. Онъ не имѣлъ обыкновенія прятаться за спиною своихъ помощниковъ, предпочитая въ каждомъ случаѣ личныя объясненія, иногда даже рискуя собственной безопасностью или возможностью быть оскорбленнымъ. Онъ удовлетворялъ справедливыя требованія студентовъ, не считая ихъ капризомъ или невозможными претензіями, исполненіе которыхъ можетъ уронить престижъ начальства, отлично понимая, что этотъ престижъ роняетъ фѣчто другое, только не правда. Имѣя собственныхъ дѣтей, онъ могъ понимать студентовъ, сочувствовать имъ и жалѣть, почему не разъ выступалъ ходатаемъ за нихъ передъ высшимъ началь-

ством и благотворителем изъ собственныхъ средствъ или братскихъ (во имя пр. Сергія), прося въ послѣднемъ случаѣ завѣдующаго распредѣленіемъ пособій,—иногда даже за лицъ, съ инспекторской точки зрѣнія и не заслуживающихъ снисхожденія. Избѣгая дѣйствовать репрессіями, какъ и въ семьѣ, покойный предпочиталъ поговорить со студентомъ, поволноваться съ нимъ, убѣдить его, только не покарать, за что студенты платили ему довѣріемъ и благодарностью. О первомъ можетъ говорить, такой, напр., фактъ. Одинъ изъ пріѣхавшихъ держать вступительный экзаменъ въ Академію, будучи очень нервнымъ и потому неувереннымъ въ своихъ силахъ субъектомъ, рѣшилъ до конца и результата пріемныхъ испытаній, раздумавшись о возможномъ неуспѣхѣ перваго эспромта, ретироваться. Товарищи, видя напрасную тревогу и не имѣя силы повліять на него, сообщили объ этомъ инспектору А. П.—чу, чтобы онъ, со свойственной ему доброжелательностью, отговорилъ молодого человѣка отъ преждевременнаго отступленія. О второй, т.-е. благодарности, можетъ свидѣтельствовать не прекращавшаяся до самой смерти нравственная связь со многими изъ окончившихъ Академію питомцевъ, выражавшаяся въ письменномъ и личномъ взаимообщеніи и теперь вылившаяся въ многочисленныхъ соболѣзновапіяхъ.

Для полноты характеристики инспекторской дѣятельности почивнаго требуется также сказать, что А. П.—чу совсѣмъ чужда была „покровительственная система“. Онъ былъ другомъ по-преимуществу слабыхъ въ какомъ-либо отношеніи студентовъ, зная, что лучшіе и сильнѣе не имѣютъ особой нужды въ заботахъ, помощи и снисхожденіи. Наконецъ, А. П. не гнушался и самой черной неблагодарной работы, почему самъ припималъ дрова, провизію; радѣя о казенномъ имуществѣ, справлялся о цѣнахъ на дрова и продукты, осведомлялся о стоимости такихъ работъ, какъ мытье половъ и чистка трубъ, имѣлъ дѣла непосредственно съ самими предпринимателями и т. д. Въ увлеченіи своимъ дѣломъ и сознаніи своего долга онъ, какъ замѣчено уже раньше, самъ поднимался во время ремонта академическихъ зданій на крыши, для непосредственнаго наблюденія производимыхъ ра-

божь, спускался въ сырыя и холодныя подземелья погребовъ, пожертвовавъ своимъ богатырскимъ до того времени здоровьемъ и, въ конечномъ результатѣ полученной имъ простуды, жизнью. Хозяйственную часть своей должности А. П. не отдѣлялъ отъ педагогической и, являясь въ послѣднемъ отношеніи отцомъ для студентовъ, былъ въ то же время ея почителемъ.

„Всѣ четыре года академической жизни, пишетъ, характеризуя почтеннаго Н: „провелъ я подъ инспекторствомъ А. П., не рѣдко приходилось сталкиваться съ нимъ и въ официальныхъ сношеніяхъ студента съ „начальствомъ“ и въ частныхъ встрѣчахъ и бесѣдахъ. Время было переходное. За эти 4 года (1907—1911) академія перепсытала четыре фазиса: автономію, ревизію, временныя правила и новый уставъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что смѣна одного направленія другимъ не могла пройти безъ внутренней борьбы и ломки, а эта перемѣна вѣяній и направленій въ свою очередь рѣзко отражалась и на жизни студенчества и на его настроеніи. Быть инспекторомъ въ такую неустойчивую эпоху переломовъ и перелома и неизмѣнно сохранять единство направленія и отношеній—это уже не заслуга, а прямой подвигъ, подвигъ и какъ-то смѣренно и выносливо выполняемый этимъ удивительно честнымъ и скромнымъ человекомъ. Между тѣмъ, какъ много нужно было опыта и искусства, чтобы лавировать среди всѣхъ неизбежныхъ въ подобномъ случаѣ тревоженій и удерживать студенчество въ строгихъ рамкахъ требованій момента. Бывали минуты—горячая юность, столкнувшись съ какою-либо „роковымъ“ вопросомъ академической дисциплины, возмущенно несется къ А. П. доказывать и защищать свои права и съ горячностью, даже подчасъ съ едва ли допустимой рѣзкостью вступаетъ въ споръ, стремясь во что бы то ни стало отстоять свою точку зрѣнія.—Возможно было высказать ему, несколько не скрываясь, и горячась, и настаивая. Выступаетъ А. П., совершенно не обижаясь рѣзкостью выраженій и какъ будто внутренне соглашаясь, но затѣмъ вздохнетъ (какъ то особенно, характерно для него вздохнетъ) и мягко, но твердо скажетъ: „а все-таки“... И чувствуешь, что, дѣйствительно, есть всѣкія причины и даже прямая необходимость признать это—„все-таки“ и уходишь уже значительно успокоеннымъ и примиреннымъ. И дѣйствительно, не мало всевозможнѣйшихъ „петорій“ было умѣло и тихо ликвидировано добрымъ инспекторомъ, всегда умѣвшимъ понять молодые порывы и сочувственно къ нимъ отнестись. Всѣ мелочи студенческой жизни: ежедневное распредѣленіе номеровъ и внутреннихъ распорядокъ жизни всегда возбуждали живѣйшее участіе А. П. Не мало приходилось ему „сражаться“ съ нѣкоторыми „люльностями“, вошедшими въ жизнь въ періодъ автономіи.

Въ частной жизни и въ частныхъ встрѣчахъ со студентами А. П. всегда и неизмѣнно былъ такъ простъ и любезенъ, что почти исчезала всякая

грань между студентомъ и „начальствомъ“, которая, всегда чувствуется во всѣхъ подобныхъ случаяхъ. Рѣдко и вообще приходится встрѣчать столь добраго и отзывчиваго человѣка, какъ покойный Александръ Павловичъ.“

* * *

Научная сторона профессорской дѣятельности покойнаго А. П.—ча открывается изъ прилагаемаго библиографическаго очерка.

Списокъ печатныхъ трудовъ † профессора А. П. Шостыина.

(1884—1916).

1. Имѣютъ-ли религію животныя? (По поводу 1-й главы въ сочиненіи Эд. Гартмана: „Das religiöse Bewusstsein der Menschheit im Stufengang seiner Entwicklung“ 1882). „Вѣра и Разумъ“ 1884 г. Отдѣлъ философскій. Томъ II.—Часть II, № 15, 105—125.

2. Слово въ день тысячелѣтія блаженной кончины св. Меодія, Архієпископа Моравскаго, просвѣтителя Славянъ. (Евр. XIII, 7). Произнесено въ Академической Церкви, 6 апрѣля 1885 года. „Прибавленія къ изданію твореній святыхъ отцевъ въ русскомъ переводѣ“ (Москва), 1885 г., часть XXXVI, книга 3-я, 147—159.

2а. *Тоже*. Отдѣльный оттискъ. Москва, 1885. Стр. 13.

3. Къ вопросу о догматическомъ развитіи церкви. „Вѣра и Разумъ“ 1886 г. Отдѣлъ церковный. Томъ I.—Часть I, № 8, 547—570. (Подписана буквами: А. Ш.).

Написана по поводу статьи Вл. С. Соловьева: „Догматическое развитіе Церкви въ связи съ вопросомъ о соединеніи церквей“. „Православное Обозрѣніе“ 1885 г. Томъ III, № 12, 727—798. Статью А. П. Шостыина Редакція журнала „Вѣра и Разумъ“ сопровождала такой замѣткой: „Отъ Ред. Редакція съ особеннымъ удовольствіемъ помѣщаетъ эту статью... по ея фактической доказательности, силѣ и явности выводовъ“. Вл. С. Соловьевъ отвѣчалъ на нее статьей: „Отвѣтъ анонимному критику по вопросу о догматическомъ развитіи въ Церкви“. „Православное Обозрѣніе“ 1886 г. Томъ II, № 5—6, 354—366 (въ „Собраніе сочиненій“ Вл. С. Соловьева не вошло). А. П. Шостыинъ отвѣчалъ на эту статью статьей, значащейся подъ слѣдующимъ номеромъ.

4. Къ вопросу о догматическомъ развитіи церкви (отвѣтъ на „отвѣтъ“ г. Вл. Соловьева). „Вѣра и Разумъ“ 1886 г. Отдѣлъ церковный. Томъ I.—Часть II, № 19, 429—467. (Подписана буквами: А. Ш.). По поводу этой и предѣствующей статей напечатана статья И. П. Кристп, Чему учить

теорія розвитку догматовъ? „Православное Обозрѣніе“ 1887 г. Томъ I, № 2, 286—314. А. П. Шостыинъ отвѣчалъ на нее статьей, значащейся подъ № 8.

5. Отчетъ о занятіяхъ въ 1885—1886 г., въ качествѣ профессорскаго стипендіата, по исторіи педагогики и пастырскому богословію. „Журналы Совѣта Московской Духовной Академіи“ 1886 года. Москва, 1886, стр. 83-я.

6. Ученіе Платона о матеріи. „Вѣра и Разумъ“ 1887 г. Отдѣлъ философскій. Томъ II.—Часть II. № 14, 82—109.

7. Превосходство исповѣди православной предъ исповѣдію іезуитско-католическою. Читано 6 сентября 1886 г. въ аудиторіи Московской духовной академіи. (Пробная лекція). „Вѣра и Разумъ“ 1887 г. Отдѣлъ церковный. Томъ I.—Часть II, № 20, 469—491.

Та. *Тоже*. Отдѣльный оттискъ. Харьковъ, 1887. Стр. 23. 25 коп.

8. Авторитеты и факты въ вопросѣ о развитіи церковныхъ догматовъ. „Вѣра и Разумъ“. Отдѣлъ церковный. 1887 г. Томъ I.—Часть II, № 22, 557—578; 1888 г. Томъ I.—Часть II, № 13, 32—67. Написана по поводу статьи Кристи (см. № 4) и книги Вл. С. Соловьева, *Исторія и будущность теократіи*. Томъ I. Загребъ, 1887.

9. Источники и предметъ догматики по воззрѣнію католическихъ богослововъ послѣдняго полу-столѣтія. „Вѣра и Разумъ“ 1889 г. Отдѣлъ церковный. Томъ I.—Часть II, № 15, 147—180; 16. 201—224; 17, 279—293; 18, 343—376; 19, 392—414; 20, 449—486.

9а. *Тоже*. Отдѣльный оттискъ. Харьковъ, 1889. Стр. 198 + 1 н. 1 р. 50 к. *Сочиненіе на степень магистра богословія*.

Оффиціальныя отзывы—„Журналы Совѣта Московской Духовной Академіи“ 1889 года. Москва, 1889—Доцента А. Д. Бѣллева (стр. 449—453): „Сочиненіе г. Шостыина не велико по объему, но за то хорошо обработано, не заключаетъ въ себѣ лишняго балласта и написано самостоятельно. Въ литературномъ отношеніи оно безупречно“, и э.—о. проф. свящ. Д. Θ. Касицына (453—454): „Сочиненіе удовлетворяетъ всѣмъ главнымъ требованіямъ диссертациі на степень магистра богословія“. Защита сочиненія состоялась 22-го января 1890 года. См. „Журналы Совѣта Московской Духовной Академіи“ 1890 года. Москва, 1890, стр. 3—4, и „Московскія Вѣдомости“ 1890 г. № 24 (24 января), стр. 5 (Н. Сергіевъ Носаль, 23 Января. Отъ нашего корреспондента). При защитѣ, кромѣ оффиціальныхъ оппонентовъ э.-о. проф. свящ. Д. Θ. Касицына и доц. А. Д. Бѣллева, съ возраженіями выступалъ и д. доц. А. А. Ждановъ. Въ 1891 г. сочиненіе удостоено преміи Московскаго Митрополита Макарія за лучшія магистерскія сочиненія въ 285 рублей, см. „Журналы Совѣта Московской Духовной Академіи“ 1891 года. Москва, 1891, стр. 38 и 137. Въ 1890 г. напечатаны отзывы о сочиненіи А. П. Шостыина, принадлежащіе Н. Н. Глубоковскому (нынѣ ордин. проф. Импер. Петроград. Дух. Академіи): „Московскія Церковныя Вѣдомости“ 1890 г., № 25, стр. 311—312 (подписано буквой: Г): „Г. Шостыинъ, взучилъ свое дѣло фундаментально, обозрѣлъ его со всѣхъ точекъ зрѣнія и охватилъ во всей полнотѣ и широтѣ... авторъ всегда освѣщаетъ свой предметъ съ высоты чистаго правосла-

наго сознанія, какъ строго православный богословъ... сочиненіе написано ясно и живо и читается весьма легко"—п „Московскія Вѣдомости“ 1890 г., № 292 (22 Октября), стр. 4-я (подписано: Н. Г—Е.); сочиненіе „весьма интересно и для всѣхъ любителей серьезнаго чтенія по „загроуптому въ немъ и подробно раскрытому вопросу объ отношеніи вѣры къ знанію“.

10. Отзывъ о сочиненіи на степень кандидата богословія студента 45-го курса Московской Духовной Академіи въ „Журналахъ Совѣта Московской Духовной Академіи“ 1890 года. Москва, 1890 (1891)—Николая Вулакова, Религіозно-нравственный элементъ въ русскомъ воспитаніи временъ Домостроя. Стр. 65—68.

11—14. Отзывы о сочиненіяхъ на степень кандидата богословія студентовъ 46-го курса Московской Духовной Академіи въ „Журналахъ Совѣта Московской Духовной Академіи“ 1891 года. Москва, 1891:

а) Николая Глаголева, Пастырское служеніе по воззрѣніямъ русскихъ святителей XIII—XV вв. Стр. 185—187.

б) Александра Смирнова, Педагогическія воззрѣнія графа Л. Толстаго предъ судомъ евангельской истины. Стр. 212—214.

в) Сергія Соколова, Церковно-приходская школа въ своей плѣи и псторической дѣйствительности. Стр. 215—216.

г) Виталія Мироносицкаго, Религіозно-нравственный элементъ въ русскомъ воспитаніи по памятникамъ XVII вѣка. Стр. 339—340.

15—17. Отзывы о сочиненіяхъ на степени кандидата богословія студентовъ 47-го курса Московской Духовной Академіи въ „Журналахъ Совѣта Московской Духовной Академіи“ за 1892 годъ. Сергіевъ Посадъ, 1892:

а) Дмитрія Романкова, Филаретъ, митрополитъ Московскій, какъ пастырь и учитель о пастырствѣ. Стр. 161—163.

б) Василія Сибирскаго, Борьба древне-русскихъ пастырей съ народными суевѣріями. Стр. 163—164.

в) Александра Яхонтова, Житія святыхъ, какъ воспитательное средство, и ихъ значеніе для русской школы съ древнихъ временъ. Стр. 177—179.

18. Магистерскіе диспуты. (1. Н. Г. Поповъ, Императоръ Левъ VI Мудрый и его царствованіе въ церковно-псторическомъ отношеніи. Москва, 1892; 2. Свящ. Н. Н. Ильинскій, а) Синтагма Матвея Властара. Исслѣдованіе. Москва, 1892; б) Собраніе по алфавитному порядку всѣхъ предметовъ, содержащихся въ священныхъ и божественныхъ канонахъ, составленное и обработанное смиреннѣйшимъ іеромонахомъ Матвеемъ, при алфавитная Синтагма Матвея Властара. Переводъ съ греческаго. Симферополь, 1892). „Богословскій Вѣстникъ“ 1893 г., томъ II, № 6, 535—553.

19. Магистерскій диспутъ. (Свящ. Д. С. Глаголевъ, Второе великое путешествіе Св. Апостола Павла съ проповѣдью Евангелія. (Дѣян. XV, 40—XVIII, 22). Опытъ петрнско-экзегетическаго исслѣдованія. Тула, 1893). „Богословскій Вѣстникъ“ 1893 г., томъ IV, № 10, 138—152.

20. Личность въ іезуитизмѣ. По поводу выхода графа Гёнебреха (P. Hoensbroech'a) изъ ордена іезуитовъ. „Богословскій Вѣстникъ“ 1894 г., томъ I, № 1, 100—108; томъ IV, № 12, 493—510.

20а. *Тожже*. Отдѣльный оттискъ. Сергіевъ Посадъ, 1894. Стр. 27. 25 к.

21—22. Отзывы о сочиненіяхъ на степень кандидата богословія въ „Журналахъ Совѣта Московской Духовной Академіи“ за 1893 годъ. Сергіевъ Посадъ, 1894:

а) Студента 48 курса Михаила Владыкина, Епископа Орлеанскій Дюпанлу и его сочиненіе: *De l'éducation*. Стр. 134—135.

б) Дѣйствительнаго студента 47 курса Алексѣя Боголюбова, Благотворительная дѣятельность древне-христіанскихъ монастырей (до раздѣленія церквей). Стр. 233—234.

23—24. Отзывы о сочиненіяхъ на степень кандидата богословія студентовъ 49-го курса Московской Духовной Академіи въ „Журналахъ Совѣта Московской Духовной Академіи“ за 1894 годъ. Сергіевъ Посадъ, 1895:

а) Петра Губинскаго, Религіозное обученіе по воззрѣніямъ Гербарта и его послѣдователей. Стр. 132—133.

б) Алексѣя Канакина, Педагогическія воззрѣнія въ священническихъ писаніяхъ Соломона и Иисуса, сына Сирахова, и ихъ вліяніе на древне-русское воспитаніе. Стр. 141—142.

25—27. Отзывы о сочиненіяхъ на степень кандидата богословія студентовъ 51-го курса Московской Духовной Академіи въ „Журналахъ Совѣта Московской Духовной Академіи“ за 1896 годъ. Сергіевъ Посадъ, 1897:

а) Ефрема Веригина, Отношеніе школы къ Церкви. Стр. 103—107.

б) Николая Добротина, Педагогическія воззрѣнія Св. Іоанна Златоустаго. Стр. 117-я.

в) Александра Титова, Идея монастырскаго душепопеченія въ Ветхомъ Завѣтѣ. Стр. 186—187.

28. Отзывы о сочиненіи на степень магистра богословія Законоучителя Московскаго Училища Ордена Св. Екатерины Свящ. Іоанна Арсеньева, Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи, до Ватиканскаго Собора (1869—70) включительно. Харьковъ, 1895. „Журналы Совѣта Московской Духовной Академіи“ за 1897 годъ. Сергіевъ Посадъ, 1898. Стр. 33—41.

29—30. Отзывы о сочиненіяхъ на степень кандидата богословія студентовъ 52-го курса Московской Духовной Академіи въ „Журналахъ Совѣта Московской Духовной Академіи“ за 1897 годъ. Сергіевъ Посадъ, 1898:

а) Александра Звѣрева, Древне-христіанскія окласительныя училища. Стр. 135—136.

б) Ивана Соколова, Святый Григорій Богословъ, какъ монахъ и учитель о монашествѣ. Стр. 178—180.

31. Правственно-воспитательное значеніе музыки, по воззрѣніямъ Платона и Аристотеля. (Рѣчь, произнесенная въ сокращеніи на публичномъ актѣ Московской Духовной Академіи 1-го Октября 1898 года). „Богословскій Вѣстникъ“ 1898 г., томъ IV, № 10, 48—74.

31а. *Тожже*. Годичный актъ въ Московской Духовной Академіи 1-го Октября 1898 года. Сергіевъ Посадъ, 1898. Стр. 1—27.

31б. *Тожже*. Отдѣльный оттискъ. Сергіевъ Посадъ, 1898. Стр. 27. 25 к.

32—35. Отзывы о сочиненіяхъ на степень кандидата богословія студен-

товъ 53-го курса Московской Духовной Академіи въ „Журналахъ засѣданій Совѣта Московской Духовной Академіи“ за 1893 годъ. Свято-Троицкая Сергіева Лавра, 1899:

а) Павла Лобанова, Пастырскія воззрѣнія и пастырская дѣятельность Стефана Яворскаго. Стр. 104-я.

б) Сергія Смирнова 5-го, Святитель Димитрій Ростовскій, какъ пастырь и учитель о пастырствѣ. Стр. 130—132.

в) Николая Соколовскаго, Религіозное обученіе въ народной школѣ, его задачи и объемъ. Стр. 133—136.

г) Дмитрія Булгакова, Религіозно-нравственный элементъ въ русскомъ воспитаніи XVIII-го вѣка. Стр. 223—224.

36. Отзывъ о сочиненіи на степень кандидата богословія студента 54-го курса Московской Духовной Академіи Алексѣя Смирнова, Пастыря церкви Христовой во времена св. Григорія Богослова (по его твореніямъ). „Журналы засѣданій Совѣта Московской Духовной Академіи“ за 1899 годъ. Свято-Троицкая Сергіева Лавра, 1900. Стр. 196—197.

37—38. Отзывы о сочиненіяхъ на степень кандидата богословія студентовъ 55-го курса Московской Духовной Академіи въ „Журналахъ засѣданій Совѣта Московской Духовной Академіи“ за 1900 годъ. Свято-Троицкая Сергіева Лавра, 1901:

а) Николая Румянцева, Психологическія основы религіозно-нравственнаго воспитанія. Стр. 109—110.

б) Алексѣя Смирнова, Задачи нравственнаго воспитанія въ святоотеческой пастырской педагогикѣ и въ педагогикѣ современной. Стр. 113—116.

39. Отзывъ о сочиненіи на степень магистра богословія Іеромонаха Фаддея (Успенскаго), Единство книги Пророка Исаи. Сергіевъ Посадъ, 1901. „Журналы засѣданій Совѣта Московской Духовной Академіи“ за 1900 годъ. Свято-Троицкая Сергіева Лавра, 1901. Стр. 148—150.

40. Отзывъ о сочиненіи на степень кандидата богословія студента 56-го курса Московской Духовной Академіи Виктора Романова, Идеаль нравственнаго воспитанія по мыслямъ Пирогова и Ушинскаго. „Журналы засѣданій Совѣта Московской Духовной Академіи“ за 1901 годъ. Свято-Троицкая Сергіева Лавра, 1902. Стр. 148—149.

41. Творенія же по святыхъ отца нашего Аѳанасія Великаго, Архіепископа Александрійскаго. Изданіе 2-е исправленное и дополненное (подъ редакціей Проф. А. П. Шостыгина). Части 1—4. Свято-Троицкая Сергіева Лавра, 1902—1902—1903—1903 (=Творенія святыхъ отцевъ въ русскомъ переводѣ, издаваемые при Московской Духовной Академіи. Томы 17-й, 19-й, 21-й и 23-й). Стр. 472. Стр. 494. Стр. 524+II. Стр. 480. Даны въ видѣ отдѣльнаго приложенія къ журналу „Богословскій Вѣстникъ“ за 1902 и 1903 годы.

Объ этомъ изданіи см. Редакціонную статью (Проф. А. А. Спасскаго) О новомъ изданіи твореній Св. Аѳанасія Александрійскаго въ русскомъ переводѣ. „Богословскій Вѣстникъ“ 1901 г., томъ III, № 11, 567—581, и

замѣтку (Проф. С. И.)С(мирнова) „Церковныя Вѣдомости“ (С.-Петербургъ). Прибавленія. 1904 г., № 6, 216—218.

42. Зачѣмъ блуждать? Размысленія по поводу предполагаемой реформы нашей средней школы. „Богословскій Вѣстникъ“ 1902 г., томъ I, № 4, 788—807.

42а. *Тоже*. Отдѣльный оттискъ. Свято-Троицкая Сергіева Лавра, 1902. Стр. 20. 25 к.

Написана по поводу статьи Проф. Н. К. Маккавейскаго, Современныя педагогическія блужданія („Труды Кіевской Духовной Академіи“ 1901 г., томъ III, № 12, 580—609.). Проф. Н. К. Маккавейскій отвѣчалъ статьей: Два слова въ отвѣтъ неожиданному оппоненту. (По поводу статьи проф. А. П. Шостыина: „Зачѣмъ блуждать?“—„Богосл. Вѣстникъ“ 1902 г. кн. 4). „Труды Кіевской Духовной Академіи“ 1902 г., томъ II, № 6, 338—348 („Въ заключеніе, долгомъ считаю выразить уважаемому А. П. Шостыину свою искреннюю благодарность за вниманіе къ нашей статьѣ, вызвавшее добавленія и поясненія къ ней“). А. Григорьевъ, въ своей замѣткѣ объ этой брошюрѣ („Миссіонерское Обзорѣніе“ 1903 г., томъ I, № 4, 502—506) пишетъ: „А. Ш. очень ярко обрисовываетъ одно изъ большихъ мѣстъ нашихъ свѣтскихъ школъ, хорошо отрезвляетъ враговъ семинарскаго образованія и основательно вразумляетъ тѣхъ духовныхъ лицъ, которые встѣдъ за свѣтскими повторяютъ впеяніе на воздухѣ ихъ кривотолки о мнимомъ разбѣдшеніи семинаріи съ жизнью, что де семинаріи не въ силахъ подготовить своихъ питомцевъ къ научной дѣятельности и т. д. Сужденія г. Шостыина не голословны, а воздвигнуты на гранитѣ фактическихъ и цифровыхъ данныхъ, что увеличиваетъ цѣну сочиненія и недостижимо возвышаетъ его надъ пустословіемъ свѣтской печати о томъ же предметѣ. Брошюра издана изящно и стоитъ лишь 25 к. Горячо рекомендуемъ ее читателямъ“.

43—46. Отзывы о сочиненіяхъ на степень кандидата богословія студентовъ Московской Духовной Академіи въ „Журналахъ засѣданій Совѣта Московской Духовной Академіи“ за 1902 годъ. Свято-Троицкая Сергіева Лавра, 1904:

а) Студента 57-го курса Николая Лебедева, Педагогическія воззрѣнія Св. Димитрія Ростовскаго. Стр. 237—239.

б) Студента 57-го курса Андрея Покровскаго, Педагогическія воззрѣнія Филарета, митрополита Московскаго. Стр. 271—272.

в) Дѣйствительнаго студента 51-го курса свящ. Іоанна Рѣчкпина, Творенія Св. Ефрема Сирича, какъ источникъ пастырскаго вѣдѣнія. Стр. 367—368.

г) Дѣйствительнаго студента 57-го курса Леонида Попова, Св. Клипріанъ Караагесскій, какъ пастырь и учитель, о пастырствѣ. Стр. 369—370.

47. Отзывъ о сочиненіи на степень магистра богословія В. С. Яворскаго, Символическія дѣйствія Пророка Осии. (Постѣдовательное толкованіе первыхъ трехъ главъ книги Пророка Осии). Сергіевъ Посадъ, 1903. „Журналы собраній Совѣта Московской Духовной Академіи“ за 1903 годъ. Свято-Троицкая Сергіева Лавра, 1904. Стр. 30—34.

48. Отзывъ о сочиненіи на степень кандидата богословія студента 58-го курса Московской Духовной Академіи Петра Аванасьева (Анисимова), Николай Ивановичъ Ильминскій и его школьно-просвѣтительная система для породненія. „Журналы собраній Совѣта Московской Духовной Академіи“ за 1903 годъ. Свято-Троицкая Сергіева Лавра, 1904. Стр. 148—149.

49—50. Отзывы о сочиненіяхъ на степень кандидата богословія студентовъ 59-го курса Московской Духовной Академіи въ „Журналахъ собраній Совѣта Московской Духовной Академіи“ за 1904 годъ. Свято-Троицкая Сергіева Лавра, 1905:

а) Георгія Вершинскаго, Борьба древне-русскихъ пастырей съ пародными суевѣріями. Стр. 90—91.

б) Дмитрія Немѣничева, Христіанское воспитаніе по воззрѣніямъ святыхъ отцевъ и учителей Церкви III-го и IV-го вѣковъ. Стр. 125—126.

51. Иезуиты и иезуитско-католическая исповѣдь по сравненію съ православною. „Православная Богословская Энциклопедія“. Изданіе преемниковъ † проф. А. П. Лопухина. Томъ VI. Подъ редакціею д-ра проф. Н. Н. Глубоковского. Спб., 1905. Кол. 232—249.

52—54. Отзывы о сочиненіяхъ на степень кандидата богословія студентовъ 60-го курса Московской Духовной Академіи въ „Журналахъ собраній Совѣта Московской Духовной Академіи“ за 1905 годъ. Сергіевъ Посадъ, 1906:

а) Василія Бензина, Церковно-приходская благотворительность на Руси (историческій очеркъ). Стр. 159—161.

б) Филиппа Ершова, Вопросъ о религіозно-нравственномъ воспитаніи въ шведской педагогикѣ XIX столѣтія. Стр. 173—175.

в) Александра Раздольскаго, Пресвященныи Пикапори Херсонскій, какъ пастырь и педагогъ. Стр. 216—217.

55. Отзывъ о книгѣ проф. М. Д. Муретова. Древне-еврейскія молитвы подъ именемъ Апостола Петра, съ приложеніями: о литературныхъ особенностяхъ твореній Ап. Петра и о значеніи термина „*καθολικός*“. Свято-Троицкая Сергіева Лавра, 1905, по поводу представленія ея на соисканіе преміи епископа Курскаго Михаила въ Академіи. „Извлеченію изъ Журналовъ собраній Совѣта Московской Духовной Академіи“ за 1906 годъ. Сергіевъ Посадъ, 1907. Стр. 28—30.

56. Квинтиліанъ, — его вліяніе на школу и церковное краснорѣчіе. „Православная Богословская Энциклопедія“. Изданіе преемниковъ † проф. А. П. Лопухина. Томъ IX. Подъ редакціею д-ра проф. Н. Н. Глубоковского. Спб., 1908. Кол. 332—340.

57—60. Отзывы о сочиненіяхъ на степень кандидата богословія студентовъ 62-го курса Московской Духовной Академіи въ „Извлеченіи изъ Журналовъ собраній Совѣта Московской Духовной Академіи“ за 1907 годъ. Сергіевъ Посадъ, 1908:

а) Ивана Бережкина, *Théologie Pastorale* par A. Vinet. Стр. 132—133.

б) Александра Гаврилюка, Проблемы воспитанія въ произведеніяхъ Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевскаго. Стр. 150—152.

в) Свящ. Владиміра Горлицына, Святыи Григорій Двоестовъ, какъ пастырь и учитель о пастырствѣ. Стр. 153—154.

г) Дмитрія Маркова, Воспитаніе цѣломудрія. Стр. 163—166.

61—62. Отзывы о сочиненіяхъ на степень кандидата богословія студентовъ 63-го курса Московской Духовной Академіи въ „Извлеченіи изъ Журналовъ собраній Совѣта Московской Духовной Академіи“ за 1908 годъ. Сергіевъ Посадъ, 1909:

а) Петра Добролюбова, Воспитаніе и образованіе въ древней Руси до Петра Великаго. Стр. 87—88.

б) Александра Впталъскаго, Вопросъ о классическомъ и реальномъ образованіи въ русской литературѣ послѣдняго полу столѣтія. Стр. 274—275.

63—66. Отзывы о сочиненіяхъ на степень кандидата богословія студентовъ 64-го курса Московской Духовной Академіи въ „Журналахъ собраній Совѣта Московской Духовной Академіи“ за 1909 годъ. Сергіевъ Посадъ, 1910:

а) Свящ. Іоанна Васильева, Св. Григорій Богословъ, какъ пастырь и учитель о пастырствѣ. Стр. 148—150.

б) Александра Соколова, Педагогическія воззрѣнія Фридриха Фрѣбеля и ихъ отношеніе къ христіанству. Стр. 280—281.

в) Сергія Соловьева, Педагогъ Владиміръ Яковлевичъ Стоюпинъ и его воспитательно-образовательный идеалъ. Стр. 286—288.

г) Іеромонаха Христофора (Либермана), Пастырское душепопеченіе, его сущность и основы. Стр. 290—292.

67. Отзывъ о книгѣ проф. С. С. Глаголева, Греческая религія. Часть I. Вѣрованія. Сергіевъ Посадъ, 1909, по поводу представленія ея на конкурснѣ преміи митрополита Московскаго Макарія въ Академіи. „Журналы собраній Совѣта Московской Духовной Академіи“ за 1910 годъ. Сергіевъ Посадъ, 1911. Стр. 21—22.

68—72. Отзывы о сочиненіяхъ на степень кандидата богословія студентовъ 65-го курса Московской Духовной Академіи въ „Журналахъ собраній Совѣта Московской Духовной Академіи“ за 1910 годъ. Сергіевъ Посадъ, 1911:

а) Прохора Дашитенко, Законъ Божій, какъ предметъ преподаванія въ начальной школѣ. Стр. 117—118.

б) Леоніда Дмитревскаго, Блаженный Іеронимъ, какъ пастырь и учитель о пастырствѣ. Стр. 119—121.

в) Александра Юльева, Средства содержанія левитскаго священства по Библіи и Мшии. Стр. 139—140 (2-й отзывъ).

г) Іеромонаха Филиппа (Ставицкаго), Ученіе Преп. Симеона Новаго Богослова о спасеніи. Стр. 242—244 (2-й отзывъ).

д) Діакона Сергія Фрязипова, Пастырская дѣятельность ветхозавѣтныхъ пророковъ и ихъ ученіе о пастырствѣ. Стр. 249—250.

73—76. Отзывы о сочиненіяхъ на степень кандидата богословія студентовъ 66-го курса Московской Духовной Академіи въ „Журналахъ со-

браний Совѣта Московской Духовной Академіи“ за 1911 годъ. Сергіевъ Посадъ, 1912:

а) Иеромонаха Теофила (Богоявленскаго), Ученіе аскетовъ о царствіи Божіемъ. Стр. 176—177 (2-й отзывъ).

б) Свящ. Василія Борясова, Святитель Іоасафъ Горленко, какъ пастырь. Стр. 181—182 (2-й отзывъ).

в) Свящ. Александра Никольскаго, Процессъ духовнаго христіанскаго совершенствованія по изображенію Епископа Теофана. Стр. 289—291 (2-й отзывъ).

г) Ивана Смирнова, Святый Іоаннъ Златоустъ, какъ пастырь-учитель. Стр. 331—332 (2-й отзывъ).

77. Отзывъ о сочиненіи на степень кандидата богословія дѣйствительнаго студента 65-го курса Московской Духовной Академіи Василія Воскресенскаго, Религія, какъ основа воспитанія. „Журналы собраній Совѣта Московской Духовной Академіи“ за 1911 годъ. Сергіевъ Посадъ, 1912. Стр. 52—53.

78—83. Отзывы о сочиненіяхъ на степень кандидата богословія студентовъ 67-го курса Московской Духовной Академіи въ „Журналахъ собраній Совѣта Московской Духовной Академіи“ за 1912 годъ. Сергіевъ Посадъ, 1913:

а) Михаила Виноградова, Архіепископъ Евсеій (Орнинскій) и его сочиненіе: „О воспитаніи дѣтей въ духъ христіанскаго благочестія“. Стр. 213—214.

б) Свящ. Алексѣя Владимірскаго, Педагогическія воззрѣнія св. Іоанна Златоуста и ихъ распространеніе въ древней Руси. Стр. 217—218.

в) Григорія Епифановича, Математическія науки въ русскихъ духовныхъ семинаріяхъ XIX вѣка и желательная постановка ихъ въ настоящее время. Стр. 244—245.

г) Николая Левкоева, Вопросъ о переутомленіи учащихся. Стр. 284—285.

д) Свящ. Григорія Овсянникова, Національность и церковность въ русскомъ воспитаніи. Стр. 338—339.

е) Сергѣя Прплункаго, Раскольниковы смуты второй половины XVII в. Стр. 354-я (2-й отзывъ).

84—89. Отзывы о сочиненіяхъ на степень кандидата богословія студентовъ 68-го курса Императорской Московской Духовной Академіи въ „Журналахъ собраній Совѣта Императорской Московской Духовной Академіи“ за 1913 годъ. Сергіевъ Посадъ, 1914:

а) Павла Виноградова, Педагогическія воззрѣнія К. Д. Ушинскаго и ихъ отношеніе къ христіанству. Стр. 227—229.

б) Ивана Зыкова, Педагогическія воззрѣнія Блаженнаго Августина. Стр. 254-я.

в) Владиміра Левкоева, Основы умственнаго и религіозно-нравственнаго воспитанія въ до-школьномъ возрастѣ. Стр. 309—310.

г) Свящ. Іоанна Соколова, Историческія науки въ русскихъ духовныхъ семинаріяхъ XIX столѣтія и желательная постановка ихъ. Стр. 370—371.

д) Александра Тихомирова, П. Д. Юркевичъ и его педагогическіе труды. Стр. 386—387.

е) Петра Ясенева, Методика русской и церковно-славянской грамоты въ трудахъ русскихъ педагоговъ послѣдняго полу столѣтія. Стр. 415—416.

90. Отзывъ о сочиненіи на степень магистра богословія Протоіерея Василія Металлова, Богослужбное пѣніе русской церкви въ періодъ домонгольскій по историческимъ, археологическимъ и палеографическимъ даннымъ. Часть I и II съ приложеніемъ 12 таблицъ (Facsimile) снимковъ съ рукописей X—XI—XII вѣковъ. Москва, 1912. „Журналы собраній Совѣта Императорской Московской Духовной Академіи“ за 1913 годъ. Сергіевъ Посадъ, 1914. Стр. 496—518.

91. Отзывъ о сочиненіи на степень кандидата богословія студента 69-го курса Императорской Московской Духовной Академіи Бориса Волкова, Пасторологическій анализъ русской извѣстной литературы послѣдняго времени. „Журналы собраній Совѣта Императорской Московской Духовной Академіи“ за 1914 годъ. Сергіевъ Посадъ, 1916. Стр. 277—278 (2-й отзывъ).

92. Отзывъ о сочиненіи на степень магистра богословія Н. И. Адамова, Святый Амвросій Медиоланскій. Сергіевъ Посадъ, 1915. „Журналы собраній Совѣта Императорской Московской Духовной Академіи“ за 1915 годъ. Сергіевъ Посадъ, 1916. Стр. 60—63.

К. Поповъ.

Къ данному К. М. Поповымъ очерку считаемъ нужнымъ присоединить in intenso содержаніе наиболѣе важныхъ ученыхъ трудовъ покойнаго. Таковымъ является, прежде всего, рядъ статей полемическаго содержанія, опровергающихъ теорію догматическаго развитія Церкви въ изложеніи извѣстнаго философа Вл. С. Соловьева и его единомышленника—Кристи. Исторія и сущность этой полемики заключается въ слѣдующемъ. Въ декабрьской книжкѣ „Православнаго Обозрѣнія“ 1885 г. была помѣщена статья увлекающагося тогда идеей соединенія церковей Вл. Соловьева, озаглавленная: „Догматическое развитіе Церкви въ связи съ вопросомъ о соединеніи церковей“. Здѣсь съ почитной для всякаго увлекающагося мыслителя односторонностью и тенденціозностью подчеркиваются благопріятствующіе теоріи догматическаго развитія факты и умалчиваются противныя, равно какъ перенутиваются понятія догмата, какъ определенной истины, или идеи, и догматической формулы, какъ ихъ выраженія. Въ своей статьѣ: „къ вопросу о догматическомъ развитіи Церкви“ А. П. и вскрываетъ отмѣченные недостатки, способные сбить съ толку непосвященнаго чита-

теля. Вопреки утверждённому Соловьеву, что только открытое противленіе возвыщенному вселенскимъ соборомъ истинѣ дѣлаетъ человѣка еретикомъ, несогласіе же съ нею въ періодъ становленія или развитія есть только заблужденіе, А. П. на многочисленныхъ примѣрахъ—анафематствованнаго 6-мъ всел. соборомъ папы Гонорія, умершаго, однако, ранѣе этого собора, возстановившаго православную истину двухъ волей во Христѣ, равно какъ и другихъ, аналогично анафематствованныхъ еретиковъ: Теодора Мопсуетскаго на 5 вс. соборѣ, Льва Исаврянина, Константина Копропима—на 7-мъ и пр., доказываетъ то положеніе, что, по общему убѣжденію Церкви, раздѣлявшемуся и еретиками, подвергавшими анафемѣ православныхъ, „богопреданная истина вѣры имѣетъ безусловно обязательное догматическое значеніе для всѣхъ христіанъ“ безотносительно къ исповѣданію ея на вселенскомъ соборѣ: еретикомъ является всякій, отвергающій богооткровенно-церковную истину вѣры. Что касается самой истины вѣры, то допускаемое Соловьевымъ развитіе, которое будто квалифицируетъ несогласіе съ нею въ періодъ становленія въ качествѣ простого заблужденія, имѣетъ, по мысли А. П.—ча, отношеніе только къ словесному выраженію ея, а не къ самой истинѣ или догмату, остающемуся въ идеѣ всегда себѣ равнымъ и неизмѣннымъ. Приводимые Соловьевымъ примѣры и факты—Св. Кирилла Александрійскаго, употреблявшаго выраженіе *μία φύσις* и антиохійскаго собора 269 г., осудившаго Павла Самосатскаго и отвергнутаго терминъ *διουούσιος*—говорятъ только о неточности формулировки, такъ что послѣдующіе отцы и соборы, учившіе с „двухъ волей“ и „единосущіи“ отнюдь не стоятъ въ противорѣчій съ названными, такъ какъ они усовершенали не вѣроученіе въ его богооткровенномъ содержаніи, а лишь его литературно-философское выраженіе. Статья эта вызвала отвѣтъ со стороны Соловьева, на который послѣдовала новая статья: „Къ вопросу о догматическомъ развитіи Церкви“ (отвѣтъ на отвѣтъ г. Соловьева). Здѣсь споръ переходитъ на почву новыхъ фактовъ, выставленныхъ Соловьевымъ въ его статьѣ: догмата воскресенія мертвыхъ, ученія Св. Іустина Философа и Теофила Антиохійскаго о Троицѣ и Григорія Богослова—о Духѣ Святѣмъ.

Когда на защиту воззрѣній Соловьева выступилъ г. Кристи со ссылкой на Кіевскаго митрополита Платона, и Московскаго Филарета и прот. А. В. Горскаго, А. П. воспѣвшиль съ новой, уже третьей, статьей: „эти высокочтимыя имена“,— говоритъ онъ здѣсь: „всего болѣе не позволяютъ мнѣ оставить статью г. Кристи безъ вниманія“. Статья эта—*„Авторитеты и факты въ вопросѣ о развитіи церковныхъ догматовъ“*. Анализируя приведенныя Кристи слова указанныхъ лицъ въ подтвержденіе взглядовъ Соловьева, авторъ констатируетъ ихъ несоотвѣтствіе этимъ взглядамъ. Съ своей стороны А. П., наоборотъ, цитируетъ выдержки изъ ихъ сочиненій, не оставляющія никакого сомнѣнія въ ихъ контрпозиціи съ Соловьевымъ и Кристи. Въ частности, относительно Горскаго, А. П. пользуется тѣмъ же мѣстомъ его дневника, какое утилизировалъ и Кристи, но беретъ его 1) безъ пропусковъ, сдѣланныхъ оппонентомъ и 2) въ болѣе объемъ и контекстѣ. Взятая въ такомъ именно видѣ, выдержка изъ дневника Горскаго говоритъ о развитіи не догматовъ, а—догматики, о прогрессѣ научно-догматическаго творчества. Въ четвертой статьѣ подъ тѣмъ же заглавіемъ: *„Авторитеты и факты въ вопросѣ о развитіи церковныхъ догматовъ“* А. П., резюмировавъ сущность спора, переходитъ къ соединенію церкви—практическому выводу, который дѣлали Соловьевъ и Кристи изъ своей теоріи догматическаго развитія, понимая его не въ смыслѣ присоединенія католичества къ православію, какъ бы слѣдовало его разумѣть, а въ значеніи объединенія ихъ между собою *in statu quo*. Это выступленіе доставило почетную извѣстность молодому ученому.

Переходимъ къ магистерской диссертациі А. П.—ча: *„Источники и предметъ догматики по воззрѣнію католическихъ богослововъ послѣдняго полу столѣтія“*, печатавшейся въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“ за 1889 г. вышедшей затѣмъ отдѣльною книгой (Харьковъ, 1889. Стр. 198. Ц. 1 р. 50 к.). „Это сочиненіе, доставившее автору степень магистра богословія отъ Совѣта Московской Духовной Академіи, представляетъ“,— какъ говоритъ критикъ, скрывшій себя отъ подъ инициаломъ Г., „болѣе глубокое ученое содержаніе и вызываетъ болѣе высокій научный интересъ, чѣмъ какъ это можетъ

предположить неподготовленный читатель по его скромному заглавию“ (Московскія Церковныя Вѣдомости. 1890 г., № 25, стр. 311). По намѣренію самого автора, данное изслѣдованіе представляет собою попытку охарактеризовать два направленія въ области католическаго богословія,—новосхоластическое и антисхоластическое,—поскольку разности этихъ направленій сказываются въ самыхъ общихъ и основныхъ вопросахъ догматики, именно въ вопросахъ объ источникахъ и предметѣ ея. Во введеніи А. П. высказываетъ теоретическій и практический *raison d'être* своего труда. Блестящій расцвѣтъ философіи въ концѣ 18 и началѣ 19 вѣковъ, начало которому положено было трудами Канта, не замедлилъ отразиться, при тѣсномъ соприкосновеніи философіи съ богословіемъ, и на христіанской догматикѣ, не только протестантской, всегда болѣе или менѣе гибкой, но и на католической, отличающейся консерватизмомъ. „За непослѣдственную близость къ новой философіи“ подверглись преслѣдованію многіе католическіе богословы. Въ нѣдрахъ католицизма произошелъ нѣкоторый идейный расколъ: одни, такъ называемые новосхоластич. или ультрамонтанисты, требовали „рѣшительнаго и почти безусловнаго возвращенія къ смиренной католической философіи среднихъ вѣковъ, которая, не претендуя на самостоятельность, всегда была только „служанкою богословія“ (*ancilla Theologiae*), вполне покорною церковному авторитету; другіе, антисхоластич.—либералы, формально не порвавшіе съ церковнымъ авторитетомъ, слѣдовательно, также имѣющіе право именоваться католиками, вовсе не желаютъ возвращенія всякъ—къ средневѣковой схоластикѣ и, наоборотъ, рѣшительно симпатизируютъ идеямъ повѣйшей философіи“ Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля и др. „Тѣ и другіе богословы во взаимныхъ своихъ препирательствахъ очень нерѣдко принимались изобличать другъ друга въ неправильномъ пониманіи и даже искаженіи церковныхъ догматовъ“. Является вопросъ о причинѣ такого разногласія,—вопросъ имѣющій, безспорно, важный теоретическій интересъ для богослова. Помимо такого чисто-научнаго значенія, поставленная авторомъ тема можетъ имѣть и практическую цѣнность. Изъ сравнительнаго изученія католическихъ системъ

обыхъ названныхъ фракцій каждый догматистъ, особенно русскій, слишкомъ еще робко заявляющій о себѣ со стороны оригинальности и предпочитающій для безопасности идти протореппой, хотя бы и католикомъ, дорожкой, можетъ вынести опредѣленное рѣшеніе относительно того, какимъ именно путемъ ему слѣдовать, какого направленія, неосхоластическаго или антисхоластическаго, ближе держаться. Что касается самого А. П—ча, то онъ отдаетъ рѣшительное предпочтеніе трудамъ либерально настроенныхъ католическихъ богослововъ, такъ какъ они по своимъ воззрѣніямъ стоятъ „гораздо ближе къ православному ученію, нежели богословы ультрамонтанскіе“.

Ограничивъ объемъ сравненія вопросомъ объ „источникахъ и предметъ догматики“, сколько въ виду важности, столько же и первоначальности этого вопроса во всякой догматической системѣ, проф. Шостынгъ въ первомъ изъ двухъ отдѣловъ, на которые, соотвѣтственно двойному заданію темы, дѣлится его трудъ, излагаетъ параллельно взгляды католическихъ богослововъ неосхоластическаго и либеральнаго направленія на источники Догматики: св. Писаніе и св. Преданіе, и во второмъ отдѣлѣ то же дѣлаетъ относительно другой половины темы—предмета Догматики. Изъ богослововъ ультрамонтанскаго тина онъ останавливается на Перроне, Шеєбенѣ, Гейприхѣ, Клейтгенѣ, Шэцлерѣ, Денцингерѣ и др. и изъ свободомыслящихъ на Кунѣ, Штауденмайерѣ, Берляге, Клее и т. п. Изложеніе сопровождается указаніемъ разностей во взглядахъ представителей обѣихъ школъ, сопоставленіемъ ихъ съ воззрѣніями св. Отцовъ и ученіемъ православной церкви, мѣткими критическими замѣчаніями, изобличеніемъ ихъ въ противорѣчіяхъ и т. д. Всѣ утвержденія этой прекрасной книги обоснованы выдержками изъ сочиненій католическихъ богослововъ, ссылками на постановленія соборовъ, символическія книги, отцовъ церкви. Кажется, нѣтъ ни одного положенія, которое авторъ не стремился бы обосновать документально и логически. Одинъ изъ официальныхъ рецензентовъ диссертации (проф. А. Д. Бѣляевъ) значеніе книги усматриваетъ въ двухъ отношеніяхъ: положительномъ и критическомъ. Въ первомъ работа А. П—ча

представляет собой первое достаточно широкое изслѣдованіе по вопросу о преданіи, тогда какъ раньше „о преданіи хотя у насъ и было писано, но очень мало и не всегда ясно, и никто изъ прежде писавшихъ не имѣлъ нарочитой цѣли—изложить католическое ученіе о преданіи и выяснить отличие отъ него ученія православнаго“. Во второмъ отношеніи рассматриваемое сочиненіе даетъ критику не только католической теоріи развитія догматовъ, но и католичества вообще, какъ вѣроисповѣданія, которое, разъ принявъ въ систему вѣроученія догматъ панской непогрѣнимости и усвоивъ себѣ ео ipso право создавать новыя догматы, съ неумолнимою послѣдовательностью вынуждаетъ своихъ апологетовъ—богослововъ, „съ одной стороны, расширять первоисточники христіанскаго вѣроученія; изреченія Св. Писанія понимать въ разныхъ смыслахъ и причислять къ церковному преданію то, что не должно быть таковымъ признано,—а съ другой, придавать имъ условное значеніе, установка котораго въ частныхъ случаяхъ зависитъ отъ голоса папы... Печальными послѣдствіями такого направленія церковной и богословской мысли являются: произволъ и субъективизмъ въ толкованіи Св. Писанія и во взглядахъ на св. преданіе и предпочтеніе преданія частной римской церкви предъ преданіемъ церкви вселенской“. Диссертація эта списала автору сугубую награду—магистерскую степень и „макарьевскую“ премію.

Статья „нравственно-воспитательное значеніе музыки, по воззрѣніямъ Платона и Аристотеля“, представляющая собой произнесенную покойнымъ проф. Шостынымъ на публичномъ актѣ Моск. Академіи 1-го окт. 1898 г. рѣчь, интересна, помимо научнаго значенія, въ смыслѣ автобіографическаго до нѣкоторой степени документа. Она содержитъ, такъ сказать, педагогическую теорію музыки,—того искусства, которымъ увлекался самъ А. П. Здѣсь онъ отмѣчаетъ „рѣшительное убѣжденіе“ двухъ великихъ мыслителей древности „въ глубокомъ и неотразимомъ вліяніи музыки и нѣнія на всю душевную жизнь человѣка, въ частности—на образованіе и складъ нравственнаго характера“. По воззрѣніямъ идеалиста Платона, музыка „посредствомъ гармоническихъ звуковъ дѣйствуетъ на душу и внушаетъ ей любовь къ добродѣтели... Но злоупотребленіе ею,

влечетъ самыя гибельныя слѣдствія, портитъ нравы“. По мысли реалиста Аристотеля, „музыка доставляетъ человѣку нравственное образованіе и, какъ гимнастика образуетъ тѣло, она въ состояніи образовать душу человѣка“. Въ противоположность столь глубокимъ сужденіямъ древнихъ о нравственно - воспитательномъ значеніи музыки, авторъ констатируетъ сравнительно поверхностныя взгляды на тотъ же предметъ современныхъ психологовъ и педагоговъ. „Древніе философы“,—говоритъ онъ: „гораздо глубже понимали музыку и серьезнѣе къ ней относились, при скудости музыкальных средствъ своего времени ставили ей такія задачи, о которыхъ мы теперь и думать не смѣемъ“. Выясняя психологическую природу музыки, А. П. утверждаетъ, что этотъ родъ искусства способенъ непосредственно дѣйствовать на чувство, вызывать тѣ или другія эмоціи, укрѣпляющія волю и просвѣщающія разумъ. Педагогъ, послѣ этого обязанъ утилизировать въ цѣляхъ нравственнаго воспитанія положительную сторону музыки и бороться съ возможностью отрицательнаго дѣйствія. Между тѣмъ, въ современномъ обществѣ и семьѣ не только не наблюдается такой сознательной разборчивости, а наоборотъ: „всего чаще цѣлью музыкальнаго образованія поставляется артистическая виртуозность“ и музыка „вмѣсто того, чтобъ быть средствомъ нравственнаго воспитанія, является у насъ источникомъ нервнаго раздраженія для однихъ и средствомъ удовлетворенія суетнаго славолубія для другихъ—значить средствомъ душевнаго расслабленія и нравственной порчи“, что въ свое время Аристотель называлъ несчастіемъ, злоупотребленіемъ музыкой. Мало того—то же самое безразличное направленіе чувствуется даже въ церковной музыкѣ, поскольку нѣкоторые композиторы своимъ идеаломъ имѣютъ свѣтское пѣніе и здоровое сладкопѣніе превращаютъ въ негодное. Опредѣлить, что является положительной стороною въ музыкѣ и что отрицательной въ смыслѣ нравственнаго воздѣйствія—можетъ только педагогика. А. П. выступаетъ въ рѣшеніи этого вопроса горячимъ сторонникомъ экспериментальнаго метода. Онъ настаиваетъ на необходимости „самыхъ разпостороннихъ опытовъ и наблюденій“, потому что только рядъ

такихъ опытовъ способеть дать „возможность научно рѣшить вопросъ: въ какой мѣрѣ и при какихъ условіяхъ содѣйствуетъ музыка нравственному образованію человека; только основываясь на такихъ наблюденіяхъ, можно будетъ сознательно выбирать при воспитаніи полезныя мелодіи и инструменты“, чтобы производить желаемыя воздѣйствія па чувство, укрѣпляющія волю и просвѣщающія умъ. Какъ эстетъ—музыкантъ, очевидно, покойный А. Н. цѣнилъ музыкальное искусство, какъ педагогъ, прекрасно понималъ его нравственно-воспитательное значеніе, а какъ ученый, наконецъ, видѣлъ въ лицѣ Платона и Аристотеля лучшихъ воспитателей вдумчиво-серьезнаго отношенія къ музыкѣ.

Напечатанная въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ (1902 г. № 4) статья „*Зачѣмъ блуждать*“ представляетъ собой „размышленія“ педагога и авторитетный отвѣтъ ученаго на современныя исканія новыхъ путей въ области реформы средней школы. Ближайшимъ поводомъ для нея послужила статья проф. Н. К. Макавейскаго: „Современныя педагогическія блужданія“. Отрицая основное положеніе „искателей“, что „наша школьная педагогія не нашла никакихъ твердыхъ руководящихъ основаній, не можетъ вести дѣло обученія съ увѣренностью и должна блуждать“, авторъ и здѣсь, какъ въ предпослѣдующей статьѣ относительно музыкальнаго воспитанія, требуетъ въ интересахъ истины опыта, наблюденій и фактовъ, предпочитая статистику теоретическимъ, ведущимъ къ безконечнымъ спорамъ, разсужденіямъ. По суду столь компетентныхъ и безпристрастныхъ судей, какъ С. А. Рачинскій, и по даннымъ академическихъ и университетскихъ отчетовъ, классическое образованіе, даваемое гимназіями, выше реальнаго въ смыслѣ воспитанія умственной силы, а философское, сообщаемое семинаріями, и развивающее самостоятельную мысль, еще цѣннѣе, нежели классическое. Отсюда думать о замѣнѣ въ средней школѣ классической системы реальной было бы отдаляющимъ отъ истины „блужданіемъ“: наоборотъ, реформу средней школы пужно вести въ направленіи „философской“ системы, достаточно испытанной, въ смыслѣ пригодности, въ духовныхъ семинаріяхъ. Если семинаристы до послѣдняго времени не

пользовались правомъ свободнаго поступленія въ университетъ, то не потому, чтобы они въ смыслѣ общаго развитія и подготовленности уступали гимназистамъ, а по стороннимъ соображеніямъ, съ наукой ничего общаго не имѣющимъ. Наоборотъ, по своему умственному развитію, семинаристы, согласно общаго признанія, превосходятъ гимназистовъ, какъ эти послѣдніе реалистовъ. Причина этого явленія, конечно, не въ новыхъ или древнихъ языкахъ, ни въ математикѣ и т. п. предметахъ, которые въ семинаріяхъ всегда хуже изучались, нежели въ гимназіяхъ, а въ преподаваніи философскихъ и богословскихъ дисциплинъ, соединенномъ съ выполненіемъ множества самостоятельныхъ работъ—сочиненій. „При разумной постановкѣ сейчасъ названныхъ наукъ и упражненій въ сочинительствѣ естественно повышаются духовные интересы учащихся, расширяется ихъ умственный горизонтъ, получается большая или меньшая начитанность, мысль навывается собственными успѣхами разбираться въ прочитанномъ, дисциплинируется и крѣпнеть. Крѣпкій же умъ, привыкшій къ напряженной работѣ, безъ сомнѣнія, съумѣетъ пріобрѣсти и усвоить себѣ знанія, какія потребуются отъ него въ жизни, хотя бы изъ самой школы онъ этихъ знаній и не вынесъ въ чрезвычайномъ обиліи“. Отсюда, вопросъ: въ какомъ направленіи должна вестись реформа средней школы,—рѣшается самъ собою: не семинаріи должны быть приближены къ типу гимназій и реальныхъ училищъ въ смыслѣ замѣны философской системы образованія классической и реальной, а, наоборотъ, гимназій и реальныхъ училищъ должны восполнить недостатокъ сообщаемого ими развитія заимствованіемъ у семинарій философскаго образованія. „Это путь къ развитію, достаточно уже проторенный и извѣданный. Зачѣмъ же намъ блуждать, отыскивая другіе пути?“. И какъ было бы ошибочно для семинарій терять свое преимущество—обще-философское развитіе—въ пользу классицизма, такъ блужданіемъ по ложному пути оказалась бы реформа классическихъ гимназій въ смыслѣ усиленнаго насажденія реализма. „При проектируемомъ уподобленіи гимназій реальнымъ училищамъ, единственно только духовные семинаристы будутъ выходить дѣйствительно образова-

ными и просвѣщенными людьми, болѣе или менѣе надежными работниками на научномъ поприщѣ, и главное—сколько нибудь идеально настроенными, свободными отъ того узко-практическаго направленія времени, которое заботится о вѣчныхъ матеріальныхъ удобствахъ жизни болѣе, чѣмъ о вѣчныхъ потребностяхъ духа“. Во всякомъ же случаѣ прежде чѣмъ приступить „къ быстрой и рѣшительной ломкѣ существовавшей учебной системы“, устроители судебъ школьнаго дѣла должны выяснить на фактахъ вопросъ о сравнительной высотѣ различныхъ типовъ образованія. Лучше не спѣшить съ реформой, подождать, чѣмъ вести ее наугадъ и „блуждать.“ Статья эта, въ которой А. И. выступаетъ апологетомъ родной школы, не по пристрастію къ ней, а по справедливой оцѣнкѣ ея сравнительной высоты, обратила на себя вниманіе и получила сочувственный откликъ въ печати.

Не будемъ говорить о другихъ работахъ проф. Шостыгина: сказаннаго вполнѣ достаточно, чтобы почтенный обликъ почивнаго, какъ *ученаго*, обрисовался во всей своей яркости. Отъ себя мы прибавимъ лишь указаніе на весьма характеристическое свойство научнаго творчества А. И.—литературное цѣломудріе. По врожденной скромности, почившій не хотѣлъ заниматься размноженіемъ книжной литературы. Онъ отзывался лишь на самые животрепещущіе вопросы, задѣвавшіе его, какъ религіозную личность и педагога. И въ томъ, что онъ высказывалъ по тѣмъ или другимъ вопросамъ, отличалось необыкновенной аскетической сдержанностью, удивительной деликатностью, при всей логической основательности, фактической фундаментальности и специальной эрудиціи. Въ заключеніе позволимъ себѣ привести характеристику, данную А. И.-чу, по случаю исполнявшагося сорокоуста, хорошо знавшимъ его, въ качествѣ сослуживца-ректора, архіепископомъ Харьковскимъ Антоніемъ. „Курсамъ преподаваемыхъ наукъ онъ изучалъ и изучилъ основательно, работалъ добросовѣстно, а по пастырскому богословію... я слышалъ отъ него (вмѣстѣ съ митрополитомъ Іоаннікіемъ) прекрасную лекцію объ Іоаннѣ Златоустѣ, составленную по подлиннымъ произведеніямъ святого отца. „У Александра Павловича писали курсовыя диссертациі многіе студенты,

и вообще онъ прилагалъ свой трудъ всюду, гдѣ этого требовала академическая жизнь. „Онъ жилъ всецѣло этою жизнью и принадлежалъ Академіи всею душой. Добрѣйшій... сотоварищъ профессорамъ и покровитель студентамъ, да будетъ онъ оцѣненъ по сокровищамъ своей души... Трудъ для Академіи, подъятый прямо съ семинарской скамьи и доведенный до могилы, а равно и горячая преданность своей матери школѣ—это высокое качество, уже отживающее въ нашу корыстный вѣкъ, отживающее, увы, даже въ высшей школѣ“. (Приходскій Листокъ. 1916. № 39).

А. Т.

Погребеніе проф. А. П. Шостыина.

Вѣсть о смерти заслуженнаго профессора А. П. Шостыина распространилась въ Академіи 11-го января въ 10 час. утра. Нѣкоторыми профессорами и студентами эта вѣсть была принята недоувѣрчиво. Правда, Александръ Павловичъ въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ часто хворалъ, тяжкій недугъ не позволялъ ему аккуратно читать лекціи, тѣмъ не менѣе никто не ожидалъ столь скорой его кончины. И самъ почившій, снова заболѣвъ передъ Святками, имѣлъ твердую надежду, если не совѣтъ оправиться отъ своей болѣзни, то хотя настолько, чтобы имѣть возможность заниматься академическими дѣлами. Еще 7-го января онъ справлялся въ Академіи, когда начнутся лекціи послѣ рождественскаго вѣката. Но Господь не судилъ Александру Павловичу въ Новомъ году увидѣть свою аудиторію. Чтеніе лекцій началось 11-го января, и въ то же самое время Александра Павловича не стало.

Въ 1 ч. дня, вмѣсто шестой лекціи, въ академическомъ храмѣ академическимъ духовенствомъ во главѣ съ доцентомъ-священникомъ І. М. Смирновымъ была совершена первая панихида по почившемъ профессорѣ. На панихидѣ присутствовали профессора, читавшіе въ этотъ день лекціи, и всѣ возвратившіеся изъ отпуска студенты. Вечеромъ того же дня, въ 6 часовъ, въ домѣ почившаго въ присутствіи многихъ членовъ академической корпораціи была совершена панихида преосвященнымъ Ректоромъ Академіи, епископомъ Теодоромъ. На этой панихидѣ присутствовалъ ученикъ по-

койпаго, преосвященный Борисъ, епископъ Чебоксарскій, викарій Казанской епархіи, посѣтившій въ этотъ день Лавру и Академію. И послѣ этого академическимъ духовенствомъ были ежедневно совершаемы панихиды при гробѣ усопшаго въ 12 ч. дня и 6 ч. вечера. На слѣдующій день, 12 января, панихиду совершалъ о. Инспекторъ Академіи, архимандритъ Іларіонъ соборитъ съ студентами-священниками. Кромѣ панихидъ академическихъ при гробѣ Александра Павловича была совершена панихида о. Ректоромъ Виѣанской Духовной Семинаріи, архимандритомъ Германомъ, въ сослуженіи Инспектора о. игумена Симеона и прочаго семинарскаго духовенства. Были также и лаврскія панихиды во главѣ съ о. намістникомъ Лавры архимандритомъ Кронидомъ, б. экономомъ Лавры архимандритомъ Ниломъ и при участіи лаврскихъ пѣвчихъ, панихиды причта Рождественской Сергіево-посадской церкви и др.

Наканунѣ погребенія, 13 января, въ 6 час. вечера въ домѣ почившаго о. Инспекторомъ Академіи была совершена заупокойная всенощная (нарастаетъ). Пѣлъ хоръ студентовъ Академіи. Въ 8½ час. утра, 14-го января Инспекторомъ Академіи и прочимъ духовенствомъ былъ совершёнъ выносъ тѣла почившаго въ академическую церковь для отпѣванія. По прилиту въ Академію обычаю, прежде чѣмъ внести останки усопшаго въ церковь, погребальная процессія направилась къ Троицкому собору, гдѣ почиваютъ мощи преп. Сергія. Въ 9 ч. началась заупокойная литургія, которую совершалъ преосвященный Ректоръ Академіи съ о. Инспекторомъ и многочисленнымъ духовенствомъ. Послѣ запричастнаго стиха профессоромъ С. С. Глаголевымъ была сказана слѣдующая рѣчь.

Рѣчь проф. С. С. Глаголева.

„Блаженны мертвые, умирающіе въ Господѣ“. (Откр. XIV, 13).

„Нерѣдко намъ — людямъ, жизнь и дѣла которыхъ тѣсно связаны съ Академіей, посторонніе ставятъ вопросъ: хорошо ли жить въ Академіи? Я думаю, что на этотъ вопросъ да-

вались и будутъ даваться разнорѣчивые отвѣты: однимъ хорошо, другимъ—нѣтъ; одни полагаютъ хорошее въ одномъ, другіе—въ другомъ.

Но есть другой вопросъ, стоящій въ тѣсной связи съ вопросомъ о благополучіи академической жизни. Этотъ другой вопросъ не ставить, но дать на него увѣренный отвѣтъ, кажется, гораздо легче. Это — вопросъ: хорошо ли умирать въ Академіи?

Да, хорошо.

Приобщенность къ Академіи есть приобщенность къ академической, т.-е. православной вѣрѣ. Эта вѣра устраняетъ безотрадные взгляды на смерть. Эта вѣра говоритъ намъ, что смерть есть мрачная дверь, черезъ которую мы выходимъ изъ земного міра и идемъ къ Богу, Который есть любящій Отецъ человѣковъ. Такая вѣра смягчаетъ страхъ смерти. Но вѣра, какъ бы она ни была крѣпка, смущается и страждетъ, если она одинока. Великій ревнитель Іеговы Ілія смущался невѣріемъ своего народа и былъ утѣшенъ лишь откровеніемъ, что во Израилѣ 7000 не преклоняло колѣнъ предъ Вааломъ; на невѣріе единокровныхъ негодовалъ Моисей, отъ этого невѣрія мучился Павелъ. Вѣра каждаго ищетъ опоры въ вѣрѣ другихъ, ищетъ соучастія въ вѣрѣ. Академія даетъ эту опору и утвержденіе вѣры: вѣра каждаго члена академической семьи находитъ себѣ откликъ въ сердцахъ другихъ членовъ.

Но въ житейской суетѣ, въ заботѣ дня, въ мелочахъ жизни эта вѣра не выступаетъ и не свѣтитъ ярко. Зато посмотрите, какъ она являетъ себя при смерти. Сколько молитвенниковъ объ усопшемъ является здѣсь. Молится епископъ, молятся священнослужители, молятся учащіе и учащіеся науки о вѣрѣ. Расширьте академическую территорію. Приобщите къ ней всѣхъ учившихся въ Академіи. Сколько епископовъ, архимандритовъ, іереевъ и мірянъ молитвенно пожелаютъ царства небснаго нашему почившему собрату Александру Павловичу!

Почившій знаетъ, что умирать въ Академіи хорошо. Онъ желалъ быть и погребеннымъ на академическомъ кладбищѣ. Къ академическимъ могиламъ никогда не заростетъ трона академическихъ питомцевъ.

Почившій былъ твердъ въ вѣрѣ. Свою самостоятельную жизнь онъ началъ съ работы, посвященной вопросу объ источникахъ и основахъ вѣроученія. Я разумью его магистерскую диссертацию и связанныя съ нею статьи. Православной вѣрѣ онъ служилъ и православною вѣрою онъ жилъ до конца. Въ Академіи онъ былъ профессоромъ педагогики. Разумѣется, здѣсь онъ излагалъ лишь педагогическія теоріи. Мудрено говорить о педагогическихъ воздѣйствіяхъ на развитую и образованную студенческую среду. Онъ имѣлъ иной матеріалъ для примѣненія своихъ педагогическихъ принциповъ—матеріалъ и очень дорогой, и очень ему близкій: своихъ собственныхъ дѣтей. И здѣсь мы видимъ, что существеннѣйшею заботой его было влѣденіе и утвержденіе въ нихъ той вѣры, которою онъ жилъ самъ. Въ его семьѣ нѣтъ ни лицъ, уже вступившихъ на самостоятельную жизнь, ни совершенно маленькихъ,—все въ возрастѣ между 20 и 10 годами,—но во всехъ нихъ уже вкоренены и утверждены христіанскія начала, и эта юная семья уже приобрѣла нѣкоторую устойчивость въ борьбѣ съ стихіями міра. Можетъ быть, поэтому Промыслъ и взялъ у нея отца, предоставивъ одной матери довершать великое и святое дѣло воспитанія своихъ дѣтей. Но не намъ судить пути Господни!

Нашъ собратъ оставилъ насъ. Послѣдніе годы его жизни были годами мученій. Онъ имѣлъ любящую семью, на его служебную и общественную дѣятельность не падали никакія тѣни, но его мучили недуги. Онъ былъ человѣкъ крѣпкаго здоровья и большой физической силы, но здѣсь случилось то же, что бываетъ нерѣдко въ природѣ: гдѣ сохрпается слабая трость, тамъ гибнетъ крѣпкое дерево. Сильный организмъ подвергся страшнымъ болѣзнямъ, онъ боролся съ ними упорно и долго, порою здоровье какъ будто даже возвращалось, но въ концѣ концовъ смерть побѣдила...

Побѣдила ли?

Нѣтъ; не будемъ вѣрить этому. Каждого изъ насъ послѣ смерти ждетъ новая жизнь. Могила на академическомъ кладбищѣ это только этапъ, связывающій міръ догробный съ міромъ загробнымъ.

Кіево-печерское преданіе влагааетъ въ уста преподобнаго

Θеодосіа пещерскаго такое обѣтованіе: всякій, положенный въ стѣнахъ пещерской обители, будетъ помилованъ отъ Бога. Академія тоже своего рода обитель, хотя мы и не привязаны къ ней такъ крѣпко, какъ пещерскіе иноки къ своему монастырю. Однако, относительно тѣхъ, для которыхъ православная вѣра Академіи была воистину живою вѣрою, для которыхъ ея религіозные идеалы были ихъ собственными идеалами, относительно таковыхъ, положенныхъ на академическомъ кладбищѣ, нужно вѣрить, что Господь Богъ помилуетъ ихъ.

Помолимся, чтобы Господь Богъ на почившемъ нашемъ братѣ Александрѣ оправдалъ эту вѣру!“

Эта прочувствованная рѣчь, произнесенная при гробѣ почившаго, собрала вокругъ него плотную стѣну слушателей. Трогательно было видѣть, съ какой любовью гробъ Александра Павловича окружають его родные, сослуживцы, питомцы, друзья и знакомые.

Чинъ отпѣванія былъ совершенъ товарищемъ покойнаго по Академіи высокопреосвященнымъ Алексіемъ, архіепископомъ Владимірскимъ и Суздальскимъ и преосвященнымъ Ректоромъ Академіи, епископомъ Θеодоромъ при участіи Ректора Виванской Духовной семинаріи, архимандрита Германа, инспектора Академіи, архимандрита Иларіона, профессора-протоіерея Д. В. Рождественскаго и другого академическаго духовенства и родственниковъ покойнаго. Передъ отпѣваніемъ высокопреосвященный Алексій сказалъ глубоко-назидательное слово. Насколько это запечатлѣлось въ памяти слушателей, Владыка говорилъ приблизительно слѣдующее.

Слово высокопреосвященнаго архіепископа Алексія.

„Смерть имѣетъ глубоко-назидательный смыслъ, особенно смерть истинно вѣрующаго человѣка. Это понятіе весьма приложимо къ новопреставленному нашему собрату Александру Павловичу, который былъ человѣкомъ очень благочестивымъ и вѣрующимъ. Какъ сынъ священника онъ воспитанъ былъ въ религіозной благочестивой обстановкѣ,

и это воспитаніе положило на всю жизнь Александра Павловича свой особый отпечатокъ. Его религіозность была яркой и выдающеюся и въ студенческіе годы. Своимъ искреннимъ благочестивымъ поведеніемъ онъ служилъ какъ бы живымъ нравственнымъ укоромъ для всѣхъ его окружавшихъ. Съ искреннимъ и глубокимъ благоговѣніемъ и особенно тщательностью готовился онъ къ таинству святого Причащенія. Съ великою радостью духовною онъ встрѣчалъ праздники Рождества Христова и святой Пасхи и считалъ высшимъ счастіемъ для себя въ праздничный день падѣти стихарь, подать кадилью и свѣчу за богослуженіемъ.

Особеннымъ его качествомъ было необычайное прилежаніе, съ которымъ онъ относился къ своимъ обязанностямъ. Онъ учился въ суровой обстановкѣ старой школы, которая далеко не имѣла такихъ удобствъ, какими располагаетъ современная школа. Всѣ трудности тогдашней учебной жизни, всѣ тернія старой дореформенной духовной школы можно сравнить съ колючимъ дикимъ шиповникомъ, тогда какъ настоящую школу можно уподобить красивой розѣ, выхоленной на культурныхъ грядкахъ опытнаго садовника. И несмотря на колючія тернія суровыхъ условій учебной работы Александръ Павловичъ вышелъ полезнымъ ученымъ работникомъ. Онъ былъ скромнымъ и добросовѣстнымъ труженикомъ науки. Въ наше время стремятся высказать новую идею, теперь привыкли цѣнить только великихъ гигантовъ мысли, творцовъ новыхъ идей, но ошибочно не придаютъ цѣны тѣмъ труженикамъ, которые проводятъ въ жизнь эти идеи. Не нужно забывать, что не идеи творятъ жизнь, а что жизнь создается простыми, но опытными и живыми душами, которые осуществляютъ эти идеи въ своей дѣятельности и жизни. Александръ Павловичъ былъ такимъ живымъ человекомъ, собственнымъ примѣромъ научающимъ своихъ слушателей, и они не уходили неудовлетворенными отъ своего профессора, который старался внѣдрить усвоенныя имъ высокія идеи глубоко въ душу слушающихъ его. Въ жизни общественной, кромѣ оригинальныхъ творцовъ идей и плановъ, нужны кузнецы, плотники, работники и ювелиры, которые осуществляютъ идейные замыслы архитектора, вы-

рѣзываютъ и отчеканиваютъ ихъ на грубомъ матеріалѣ. И въ этомъ случаѣ трудъ Александра Павловича можно было бы сравнить съ тонкой работой хорошаго ювелира. Онъ съ удивительною кропотливостью и тщательностью усидчиваго ювелира умѣлъ обрабатывать великія идеи и преподавать ихъ своимъ слушателямъ, вѣдрять въ сознаніе своихъ учениковъ. Да, Александръ Павловичъ былъ полезнымъ человекомъ, какъ для Церкви, такъ и для академической жизни. Вѣримъ, что и Господь встрѣтитъ его теплымъ привѣтомъ: *рабе блгій и вѣрный, вниди въ радость Господа твоего* (Мѡ. 25, 21)".

Умилительный чинъ православнаго погребенія приобретаетъ особую возвышенность и трогательность въ академическомъ храмѣ. Прекрасно освѣщенный храмъ, цѣлый соимъ священнослужителей, стройное пѣніе студенческаго хора, многочисленная публика съ возжженными свѣчами, глубина содержаія и трогательность погребальныхъ молитвословіи и пѣнопѣній—все это наполняетъ душу искреннимъ и высокимъ чувствомъ умиленія, духовной отрады и твердой вѣры въ безсмертіе человѣка... Статьи и тропари заупокойнаго канона были читаны священнослужителями попеременно въ порядкѣ старшинства: послѣ владыкъ въ чтеніи ихъ принимали участіе о.о. архимандриты Германъ и Иларіонъ, прот. Д. Рождественскій и т. д. Разрѣшительную молитву прочелъ духовникъ покойнаго лаврскій іеромонахъ о. Ипполитъ. Около 2 ч. дня кончилось отпѣваніе. Послѣ отпѣванія останки почившаго въ сопровожденіи преосвященнаго Ректора вынесены были на академическое кладбище къ мѣсту вѣчнаго упокоенія. На могилѣ Александра Павловича студентомъ 2 курса П. Р. Ивановымъ было произнесено нарочито составленное имъ стихотвореніе:

Надъ могилой проф. А. П. Шостыина.

Мы смѣло ключъ познанія вертимъ
Въ дверяхъ таинственныхъ судебъ,
Но жадный умъ предъ тайной смертію
Все такъ же пѣмъ, и глухъ, и слѣпъ...

Давно-ль, наставникъ, храмъ науки
Ты гласомъ бодрымъ оглашать?
Теперь, къ груди прижавши руки,
Ты недвижимо, безгласенъ сталъ...
Земля надъ бѣлой крышкой гроба
Вънецъ печальный вознесетъ,
А вьюга пологомъ сугроба
Твой холмъ могильный обовьетъ!..
А дальше что? Покой забвенья?..
Нѣтъ, дорогой наставникъ нашъ!
Ужель, пройдя свой путь служенья,
Умреть забытымъ вѣрный стражъ?
Ты будешь жить—въ твоихъ писаньяхъ,
Въ сердцахъ своихъ учениковъ
И въ дорогихъ воспоминаньяхъ
Своихъ друзей-профессоровъ!..
И не профессоръ только честный
Въ твоемъ лицѣ скончалъ свой вѣкъ:
Но волею Божьей кругъ нашъ тѣсный
Оставилъ добрый человекъ...
Въ служеніи „вѣдомому Богу“
Прошла средь терній жизнь твоя.
И вотъ въ послѣднюю дорогу
Твоя пустилася ладья.
О, Боже! Пусть ладьей той править
Твоя любовь и Промыслъ Твой!
Рабу въ вѣкахъ подай Ты память
И со святыми упокой!..“

Вскорѣ выросъ могильный холмъ съ крестомъ и вѣнками:
отъ корпораціи Академіи, студентовъ Академіи, семьи покойнаго мѣстнаго дѣтскаго пріюта имени св. Алексія и др.

Академическое кладбище, возглавленное надгробными памятниками Горскихъ и Голубинскихъ, приняло въ свои нѣдра еще одного наставника Академіи, прослужившаго ей ровно 30 лѣтъ. Вѣчная ему память! Да будетъ земля ему легка, и да вселитъ Господь душу его со святыми.

Л. Л.